

ОЛЬГА
БЕЛОЗУБОВА

Самый
~~худший~~ лучший
МУЖ

Ольга Белозубова

Самый (худший) лучший муж

<https://litres.ru/74212629>

Аннотация

Что значит я не умею любить? Умею. Глубоко и искренне. Правда, нескольких женщин сразу. Скажете, просто не встретил свою единственную? Ну да, я же не виноват, что она еще не родилась. Брак не для меня, точно вам говорю. И я сделаю все, чтобы его избежать, даже если ради этого придется... жениться.

ХЭ #противостояние характеров; #неунывающая героиня; #неидеальные герои; #перевоспитание мужа.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	37
Глава 6	43
Глава 7	56
Глава 8	62
Глава 9	76
Глава 10	88
Глава 11	94
Глава 12	101
Глава 13	110
Глава 14	122
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Глава 1

Марк Вильман

— Ни одна женщина не может дать мужчине того, что дают несколько, — хмыкаю я. — Мне жаль, но теперь я ничем не могу тебе помочь, мой почти окольцованный друг.

— Это ты сейчас так думаешь, Марк, — смеется Богдан. — Встретишь ту самую и тоже женишься. Вот увидишь.

Он поднимает бокал с содовой и салютует мне.

Иронично изгибаю левую бровь. Знай я, зачем друг позвал меня в этот клуб, ни за что бы не пошел. Праздновать скорую женитьбу достойного человека — такое себе удовольствие. Оно ведь так и бывает: был человек, женился — и все, считай, нет человека.

Добровольно позволить себя окольцевать — это вообще в голове не укладывается.

Женщины, конечно, созданы для удовольствия, но, как и все хорошее, быстро приедаются. До обидного быстро.

В кармане брюк вибрирует телефон. Достая, бегло смотрю на экран, вздыхаю, но трубку все же снимаю.

— Да, мой котенок, да, единственная моя. Нет, сегодня не могу, занят. И завтра тоже не смогу. Повиси секунду.

Открываю онлайн-банк и произвожу пару отточенных годами манипуляций.

— Это тебе, котенок, побалуй себя. Не скучай.

Нутром чую, как собеседница расплывается в довольной улыбке, тут же перестает канючить.

Кладу трубку под осуждающее качание головы Богдана.

— Очередной котенок? Единственная? — цокает он.

— Единственная, — подтверждаю я. — На этой неделе.

И да, ей пора в отставку, а то уже пошли какие-то странные намеки.

Я каждую свою девушку называю «котенком». И им приятно, и мне не накладно — а то разве всех упомнишь? Никакой оперативки не хватит.

— Нарвешься ты когда-нибудь, Вильман, на ту, которая окажется тебе не по зубам.

— Она еще не родилась, — парирую я.

— Ну, значит, на обиженную пассиву.

— Я достаточно щедр, чтобы они могли достойно пережить наше расставание, — машу рукой. — Ни одна не жаловалась. Так что не вижу смысла менять то, что хорошо работает.

Мы оба замолкаем, и я пользуюсь моментом. Взгляд лениво скользит по помещению и падает на прелестную представительницу слабой половины человечества. Все как я люблю: блондинка с высокой грудью и тонкой талией. Судя по форме, официантка.

Девушка замечает мой интерес, смущенно стреляет глазами, поправляет белую блузку и удаляется, виляя бедрами, — явно с целью произвести на меня эффект.

— Как тебе это удается? — восклицает Богдан. — Ты же ничего такого не сделал, просто посмотрел, а она уже чуть ли не лужей у твоих ног растеклась.

— Талант, — добродушно усмехаюсь я. — Ты вот в юриспруденции силен.

— И то правда. Ну, за таланты?

Мы поднимаем бокалы с содовой. Не пьем оба: завтра с утра заключение многомиллионной сделки, нужно быть собранным. На Богдане все юридические тонкости и моменты.

— Как там Елизавета Карловна? — переводит тему друг.

У меня резко портится настроение. Мать — последняя тема, которую мне хотелось бы обсудить.

— Как обычно, все так же мечтает меня женить, — закатываю глаза.

— Конечно, как можно агрохолдинг Вильманов вручить какой-нибудь плебейке, — бессовестно смеется друг. — Только где тебе невесту из дворянского рода взять? Впрочем, твоя матушка — дама весьма целеустремленная. Глядишь, и женит сына.

— Типун тебе на язык. Чтоб я женился? Скорее...

Резко умолкаю и встаю в охотничью стойку, глядя поверх головы Богдана.

— Что? Что такое, Марк? — Друг вертит шеей, пытаюсь понять, кто или что привлекло мое внимание.

А оно всецело приковано к совершенному образцу некрасивого беспородного котенка.

Одинокая стройная шатенка у барной стойки, очаровательная в своем смущении. Несуразная, будто чуждая этому миру громкой музыки и дорогой выпивки. Прямой нос, копна торчащих мелких кудрей, зато губы... Сочные, манящие.

Она робко осматривается, и по всему видно, как ей неудобно.

Не красивая, нет, максимум миловидная. Обычно я и не взглянул бы на такую, но что-то в ней есть.

Похоже, так думаю не я один, потому что в следующую секунду робкий котенок хмурится и дает от ворот поворот подошедшему к ней мужчине. Тот что-то бурчит себе под нос, недовольно на нее зыркает, но отходит.

— Она же не в твоем вкусе, — изумленно тянет Богдан, подтверждая мои мысли.

— Что б ты понимал... Дама скучает? Скучает. Надо помочь. А то, что не красавица, так благотворительность — дело нужное и важное.

В это время к ней подходит еще один парень.

Котенок едва уловимо улыбается и что-то говорит.

«А улыбка-то какая, — подмечаю про себя. — Мона Лиза в действии...»

Незадачливый ухажер меняется в лице и тоже отходит.

Внутри тут же просыпается азарт охотника.

Это не котенок — настоящая дикая кошка. Приручить такую — задача как раз по мне.

Кажется, последнее я произношу вслух, потому что Бог-

дан тут же машет рукой перед моим лицом.

— Эй, эй, полегче. С чего ты вообще взял, что она тебе не откажет? Вон, коготки выпустила — уже нескольких отбрила. Тебя тоже пошлет.

Вызов принят.

— Спорим, я затащу ее в постель этой же ночью? — протягиваю я руку другу.

Тот усмехается и тянет ладонь в ответ.

— Если выиграю я, с тебя отпуск. Две недели, не меньше.

Отпускать так надолго главного юриста не хочется. Но... и не придется: Марку Вильману не отказывают.

Я уверенно произношу:

— Можешь ехать домой без меня, встретимся утром.

Подмигиваю другу и встаю из-за стола.

— Ну, я пошел.

«Марк Вильман уже идет к тебе, моя дикая кошечка».

Уверен, меня сегодня ждет о-очень жаркая ночь.

Я взъерошиваю шевелюру пятерней, прочищаю горло и не спешадвигаюсь к незнакомке. На лице — самая обаятельная из моих улыбок.

Кошечка замечает мой взгляд, и я улыбаюсь шире: она однозначно уже на крючке.

А в следующий миг она берет и... отворачивается.

Не понял. Это что такое было?

Я непонимающе трясую головой. А-а, наверное, у нее со зрением плохо, и она смотрела вроде как на меня, но по фак-

ту мимо. Ничего, сейчас исправлю этот момент. Подхожу ближе и занимаю барный стул рядом.

Кошечка пристально смотрит куда-то вбок, потягивая через трубочку свой мятный лимонад.

Недоумеваю: что так привлекло ее внимание? Пытаюсь проследить за ее взглядом, но ничего такого не замечаю. Значит, набивает себе цену, усиленно делая вид, что я — пустое место.

Поразительное самомнение. С такой внешностью надо радоваться любому знаку внимания, а не крутить носом, когда с тобой пытаются познакомиться. Да и барный стул рядом не занят, а это однозначно говорит о многом.

А волосы... Одни ее волосы чего стоят: мелкие кудри торчат, как палки.

Марк, соберись, какое тебе дело до ее волос? Ты никогда не проигрываешь в спорах, вот и сегодня не стоит начинать.

— Добрый вечер, — игриво улыбаюсь я, — почему такая милая дама скучает одна?

Милая дама сканирует меня взглядом, а я расправляю плечи, давая ей возможность все рассмотреть и оценить верно. Скрывать мне нечего, прятать тоже — в спортзал хожу не отдыхать.

— Добрый, — бурчит она и закатывает глаза. — Простите, но дама не скучает и в компании не нуждается.

На ее лице появляется нечто вроде улыбки, той самой, что я уже видел ранее. Не поймешь, то ли улыбается, то ли ска-

лится. Она явно дает понять, что разговор окончен.

Кошка отворачивается, а я быстро перевожу взгляд на Богдана. Тот бессовестно смеется, всем видом показывая: «Я же говорил».

Ну нет, так дело не пойдет. Я большими пальцами обеих рук показываю ему «класс» и предпринимаю новую попытку:

— У меня тут родилась интересная мысль...

— Поздравляю с первенцем, — изгибает бровь незнакома.

До меня не сразу доходит смысл ее слов, а когда доходит...
«Да что она о себе возомнила?»

В висках бешено стучит пульс. Сейчас дам ей понять, кто тут главный.

— Девушка, — начинаю терять самообладание я и хватаю ее за руку.

Она недоуменно на меня таращится, одергивает руку:

— Мужчина, да отвалите вы уже от меня!

Ее глаза горят гневом, а ноздри нервно раздуваются.

О как? Отвалите? Мысленно хмыкаю. Марк Вильман может отвалить, только если сам этого хочет, детка.

Я неотрывно смотрю на нее. Ее отказ будоражит кровь, и отчего-то именно в этот момент злость уступает место неподдельному азарту и интересу к тому, чтобы объездить эту норовистую кобылку.

Поднимаю ладони в примирительном жесте.

— Прошу прощения, вы не так меня поняли.

Ее брови взлетают.

— Точнее, я не так выразился. — Спешу исправиться и снова включаю обаяние на полную катушку. — Давайте начнем сначала? Как вас зовут?

Однако вместо того чтобы представиться, незнакомка снова отворачивается, кидает взгляд куда-то в сторону столиков и издает протяжный стон. Что-то вроде «о не-е-ет».

Потом вдруг зло прищуривается, глядя прямо мне в глаза.

— Отказов вы не принимаете, да?

— Вы все верно поняли, — развожу руками. Дескать, виновен по всем статьям.

— И просто так не отстанете?

Снова киваю. Молодец, кошка, твои проблески сознания меня радуют.

— И вы бы, наверное, хотели продолжить беседу где-нибудь в другом месте, я верно понимаю?

Ее голос кажется странным, слишком высоким. Но это она, скорее всего, от возбуждения.

Что ж, как я и предполагал, женское «нет» означает «да, просто поуготоваривайте меня». Так и знал, что она быстро сдастся. Даже обидно, я-то настроился на долгую осаду.

Победно улыбаюсь и киваю.

— Именно. Ты не пожалеешь, — многозначительно обещаю я, перехожу на «ты». Легонько касаюсь ее плеча и глажу его. К чему политесы, если уже через полчаса буду на ней?

Ее глаза расширяются, а я уже не сдерживаюсь: тяну к кошке руки, чтобы обнять за талию, так сказать, застолбить добычу, и показать Богдану, что выиграл в нашем споре.

Кошка вдруг поджимает губы и резво встает с барного стула, а ее рука со стаканом взлетает в воздух. Не успеваю ничего понять, как чувствую взрыв ощущений внизу под ее шипение:

— Охладите свое добро!

Хозяйство мигом сжимается, чувствую, как мерзкое ощущение влаги и холода распространяется дальше.

Вскакиваю со стула и смотрю на свои штаны, где расплывается мокрое пятно. Молниеносным движением стряхиваю с паха кубики льда и листья мяты из ее напитка.

Вот дрянь!

— Какого хрена? — рявкаю я. — Ты совсем больная?

Вместо извинений она скрещивает руки на груди:

— Я предупреждала!

Ее красноречивый взгляд в этот момент находится прямо у меня между ног.

А я задыхаюсь от возмущения. Похоже, впервые за пару десятилетий чувствую, как горят уши.

Во мне кипит дикое желание взять нахалку за плечи и хорошенечко ее встряхнуть, поставить на место, объяснить, что со мной так общаться нельзя.

Вдруг замечаю на нас заинтересованные взгляды. Усилим воли заставляю себя дышать ровнее. Скандалы мне и мо-

ей компании ни к чему. К тому же рядом словно по волшебству вырастает бритоголовый шкаф, явно клубный охранник.

Драная кошка переводит взгляд с меня на охранника и отступает.

— Ну, я пошла, вы тут и без меня разберетесь, мальчики, да?

Ничего, милочка, я специально вернусь сюда, найду тебя, и мы с тобой снова поговорим. Только уже без свидетелей.

— В следующий раз это тебе точно с рук не сойдет, — зло обещаю я ей вслед.

— Мужчина, мы с вами определенно с разных планет, — фырчит она, обернувшись. — Так что будьте уверены, следующего раза не будет.

И уходит.

Глава 2

Элина Епанчина

Я захожу в дамскую комнату и невольно округляю глаза.

Если в агрохолдинге «Вильман» такой модный и сверкающий чистотой туалет, то с зарплатами уж точно все в порядке.

Как там говорят? Театр начинается с вешалки? А успешная компания — с туалета.

Я кидаю быстрый взгляд на часы и одергиваю свой самый лучший, самый дорогой пиджак. Специально сегодня полчасика отглаживала, чтобы ни одной складочки.

Как-никак, иду на очень важное собеседование: персональный помощник самого Юрия Валентиновича Самарцева, заместителя генерального директора агрохолдинга «Вильман».

Если честно, я даже не мечтала сюда попасть. Звонок-приглашение на собеседование раздался этим утром совершенно внезапно и огорошил не хуже папиного выигрыша в лотерею спустя годы попыток. Целых три тысячи выиграл.

А так как не мечтала, то и времени подготовиться не было. Ну, где наша не пропадала, умение выкруливаться из сложных ситуаций у меня в крови. Сказывается многолетняя практика, которая началась задолго до того, как окончила университет. Вынянчить двух сестер и брата — это вам не ежиков

голой попой давить.

Я прохожусь пудрой по лицу, приглаживаю собранные в пучок волосы, смотрю на собственное отражение в зеркале и подмигиваю:

— У тебя все получится!

Вдруг откуда-то сбоку, из кабинки, раздается тихий плач, больше похожий на поскуливание.

— У вас все в порядке? — осторожно интересуюсь я.

Плач стихает, а через минуту появляется и его обладательница: высокая красивущая блондинка с потекшим макияжем и припухшим красным носом.

— Спасибо, все нормально, — криво улыбается она и спешит к зеркалу, пытается привести себя в порядок.

— Я могу чем-то помочь?

Девушка поворачивается ко мне и окидывает изучающим взглядом.

— Я вас точно не видела раньше. Новенькая?

— Нет, на собеседование пришла. Помощницей к Самарцеву. Я Элина, кстати.

— Я Светлана. Ну, удачи вам. Хороший мужик, дотошный правда. Радуйтесь, что не к самому Вильману: это не начальник, а исчадие ада. Робот бесчувственный. Заранее сочувствую той, кого возьмут на мое место.

Новая знакомая гордо вскидывает подбородок и выходит. «На мое место»?

Получается, она увольняется.

«Нет, — поправляю себя, — скорее, уволили, вон с какой злобой отозвалась о начальнике».

Может, и вовсе наврала — от обиды. Хотя что-то в словах Светланы настораживает... Зерно истины там точно есть.

Впрочем, какая мне разница, я на роль помощницы самого Вильмана и не претендую.

Выхожу из туалета и иду к нужному кабинету. Медленно присаживаюсь на диванчик в коридоре. Ладони потеют от волнения, и я бесконечно вытираю их платком.

Первичное собеседование успешно пройдено, жду беседы с самим Самарцевым. Признаться честно, нервничаю жутко. Мне очень, очень нужна работа! А если получу эту должность, то мечты занять свой угол могут стать реальностью.

Я искренне и нежно люблю родителей, сестер и брата, но расти в двушке, где, кроме тебя, обитают еще шесть человек, — то еще удовольствие. А своя квартира — это для меня больше чем мечта. Мечтище!

Снова вынырываю в реальность и мельком изучаю молодую девушку, которая сидит на диванчике рядом со мной. Строгая, собранная, тоже в костюме. Похоже, как и я, ждет собеседования.

Слева стоит еще диванчик, и на нем сидят еще две девушки, словно сошедшие с журналов. М-да, мне до них как до Луны.

От нечего делать верчу головой и вдруг вижу, как открывается дверь кабинета метрах в десяти.

Оттуда выходят двое мужчин, одного из которых я узнаю сразу. Чувствую, как к лицу приливает кровь.

— Кто тот высокий брюнет? — шепчу еле слышно, чуть наклонившись к соседке.

Та бросает на меня странный взгляд, всем своим видом показывая недоумение. Мол, как можно не знать, кто это.

— Марк Вильман. Его ведь только ленивый не полоскал в таблоидах последнюю неделю.

Развожу руками. Некогда мне было газеты читать, я с ног сбилась, бегая по собеседованиям.

— А за что полоскали? — так же шепотом любопытствую я.

— Его папарацци засняли в каком-то ночном клубе с мокрыми штанами, — закатывает глаза собеседница. — Представляете, какая-то клуша его облила, да еще и обматерила!

Мать божья... Еще как представляю. Эта клуша я. Правда, мата не было, но кого волнуют такие детали.

Раз, два, три, Элина, замри! И не шевелись. А еще лучше — мимикрируй под стену.

Потому что если этот Вильман увидит и узнает меня, точно скажет не брать на работу.

Такие, как он, явно злопамятны. А еще отказов не принимают, да и не привыкли к ним.

Ну ладно, отказ он бы, может, и пережил, но вот отмороженное хозяйство и такую рекламу в СМИ — вряд ли.

Элина, ты попала. Собираюсь встать и незаметно ретиро-

ваться.

Поздно...

Я мысленно стону и со всей неотвратимостью понимаю:
Марк Вильман смотрит прямо на меня.

Глава 3

Марк

За час до этого

Телефонный собеседник только что сообщил мне «чудесную» новость: я уже два раза отказался приехать на съемки его передачи. Нет, не так: я два раза отказался от бесплатного шанса прорекламирровать собственное детище, агрохолдинг «Вильман».

— В смысле отказался от участия? — Я чувствую, как у меня дергается левое веко.

Такую возможность упустит только идиот. И это точно не я.

Более того — я и не отказывался. Такое бы запомнил, это как пить дать. А значит, это сделал кто-то другой. Вопрос в том, намеренно или нет. Хотя о чем это я, явно намеренно, ведь отказ был не один.

Еле сдерживаюсь и спешу побыстрее закончить разговор: страсть как хочется взглянуть в глаза той, которая позволила себе решать такие вопросы за меня. Моей помощнице Светлане.

Более других меня пока занимает следующий вопрос: зачем она это сделала?

— Извини, Георгий, видимо, я что-то напутал, вышла какая-то накладка с расписанием. В следующий раз точно бу-

ду, как штык. С меня причитается, сам понимаешь.

Прощаюсь с Быстрицким — ведущим популярного вечернего шоу на местном канале и нервно постукиваю ногой по полу.

Нажимаю на кнопку вызова помощницы.

— Зайди ко мне. — Добавляю голосу строгости: — Сейчас же.

Такое нельзя спускать на тормозах. Если она решила, что работает в холдинге достаточно долго для того, чтобы решать за меня, то у меня для нее плохие новости. Пора выяснить правду и донести до Светланы, насколько она не права.

Тут же представляю, как она пугливо вскакивает с места и на всех парах несется в мой кабинет.

И правда, уже через несколько секунд дверь открывается и в кабинет вплывает моя бессменная помощница на протяжении последних двух лет.

Длинноволосая и длинноногая блондинка с пухлыми губами. Стройная, конечно же. Услада для глаз.

Однако если и есть правило, которому следую беспрекословно, то вот оно: никаких отношений и интрижек на работе. Пробовал, ничем хорошим не заканчивалось, так что со Светланой меня связывают только дела.

— Ты любишь свою работу? — огорошиваю ее вопросом с порога.

Она впадает в ступор и опускает блокнот, который держит наизготове, непонимающе смотрит на меня.

— Л-люблю.

— Может, я недостаточно тебе плачу?

— Ну что вы. — Снова непонимающий взгляд. — Я довольна.

— Может, ежемесячные премии маловаты? Которые, кстати, не зависят от интенсивности работы?

Всегда считал, что щедрость в этом плане не минус, а плюс. Видимо, пора пересмотреть это решение.

— Н-нет.

Светлана все больше вжимает голову в плечи, не понимая, куда я клоню.

— Конкуренты предложили больше? — вдруг осеняет меня.

Она бледнеет.

— Марк Антонович, что вы! Да я бы никогда...

— Тогда объясни мне, Светлана, как так вышло, что я, — намеренно выделяю последнее слово, — отказался от участия в съемках программы Быстрицкого? Дважды.

Светлана молчит. Более того, ее взгляд делается виноватым и начинает бегать по сторонам. Моя помощница смотрит куда угодно, кроме меня.

Значит, действительно сама отказала Быстрицкому. Почему?

— Я... — мнется она.

— Говори уже, — нетерпеливо стучу я кулаком по столу.

Светлана вздрагивает и вскидывает на меня горящий

взгляд.

— С вами никакой личной жизни! — с надрывом произносит она.

Теперь уже я пялюсь на нее в полном непонимании. Смысл происходящего явно ускользает от меня.

— Объяснишь?

— Я на связи с вами утром, днем, вечером и даже ночью.

Логично, именно поэтому она получает баснословные по меркам многих деньги.

— И? — Я все еще не понимаю, куда она ведет.

— У меня мужчина появился.

— Поздравляю, — перебиваю ее я. — Как наличие у тебя мужчины связано с тем, что я не поехал на съемки?

— У меня... Я... Марк Антонович, я перенесла участие в съемках, потому что не смогла бы все курировать: у меня в тот вечер была помолвка.

Мои брови ползут вверх.

— А второй раз?

— Свадебное платье подгоняли... — еле слышно шепчет она, опускает взгляд в пол.

Приехали. Ради личной жизни ставить под угрозу работу? Да что с этой женщиной не так?

— Безусловно, работа сложная, занимает много времени, но ты знала, на что шла, когда соглашалась на эту должность. Не так ли?

Кажется, этот вопрос окончательно лишает Светлану дара

речи.

Она мнется, а я начинаю закипать.

Они что все, сговорились? То Богдану отпуск подлиннее подавай — женится, видите ли. Теперь вот Светлана, умная вроде девица. Была. А как замуж собралась, так мозг сжался до размера песчинки.

И что мне с ней делать? Этак она еще и в декрет соберется скоро, а там вообще пиши пропало.

Она вдруг смотрит на меня виновато-виновато, и я понимаю: это еще не все.

Спешу убедиться в собственной догадке:

— Светлана, давай начистоту. Это ведь не первый раз, когда ты «перенесла» мои встречи?

Молчание затягивается. Помощница неловко переминается с ноги на ногу.

— Не первый. Но я всего-то еще пару раз так сделала! Там ничего серьезного не было, — вскидывает она руки к груди.

Если честно, я ожидал чего угодно: происков конкурентов, мести, раннего Альцгеймера, но не каких-то жалких проблем с личной жизнью.

До этого слышал пару таких историй, когда личные ассистенты переносили важные встречи, если они мешали их личным планам на вечер. Но чтобы попросту отказать? Никогда не думал, что это коснется и меня.

Поблажек тут нет и быть не может. Ты либо выводишь, либо с вещами на выход. Я не из тех, кто спустит подобное

на тормозах, поэтому в ту же секунду принимаю решение.

— Ничего серьезного, Светлана? Позволь мне самому определять важность отмененной тобой задачи, — повышаю голос я и начинаю объяснять очевидные даже барану вещи: — Помощник руководителя должен помогать, а не вредить. Личная жизнь должна оставаться за пределами работы и совершенно точно не мешать.

Помощница краснеет. Ну наконец-то стало стыдно. Поделом. Какие-то отношения променять на важные дела!

Намеренно перехожу на «вы»:

— Вы уволены, Светлана. Так и быть, можете доработать до конца дня.

Губы помощницы дрожат, а в уголках глаз появляется влага — она явно намерена разрыдаться прямо у меня на глазах.

— Избавьте меня от этого зрелища, — морщусь я. Не выношу бабских истерик. — Свободны. Рекомендаций, как сами понимаете, не будет.

Светлана всхлипывает и бросается вон.

Я устало вздыхаю и поворачиваюсь к панорамному окну за моей спиной.

М-да. Час от часу не легче. Может, и простил бы этой дуре промах, если бы он был один. С другой стороны — простишь один раз, а человек потом на голову сядет и ноги свесит, задорно ими шевеля. Еще и помыкать начнет.

«Нет, — качаю головой, — никому не позволено помыкать Марком Вильманом».

Теперь новую помощницу искать. Только где ж ее найти такую, которой личная жизнь не будет мешать? Взял красавицу на свою голову, а она сдуру замуж собралась.

«Красавицу, красавицу...» — гоняю я по кругу одно и то же слово.

Бинго! Просто пойду от обратного.

Вовремя вспоминаю, что один из моих замов, Юрий Самарцев, как раз ищет себе помощницу.

Я довольно потираю ладони и выхожу из кабинета — прямо сегодня найду, кого взять вместо Светланы. Незаменимых людей нет, и она точно не исключение.

Через десять минут сижу в кабинете зама, объясняю, что мне срочно нужна новая помощница. Юрий Валентинович не задает лишних вопросов, сразу заявляет:

— Вы вовремя, Марк Антонович, сегодня как раз несколько собеседований. Подберем вам самую лучшую и, — подмигивает он, — самую красивую. Пойдемте, покажу соискательниц.

Киваю и иду следом. Смысла объяснять Самарцеву, что у меня сменились приоритеты, не вижу. Просто сам выберу подходящую кандидатуру.

Мы выходим из кабинета, и Юрий Валентинович машет головой в сторону диванчиков, на которых сидят четыре девушки.

«Красивая, красивая, красивая», — отмечаю я вариант за вариантом, и тут взгляд падает на шатенку с собранным глад-

ким пучком волос. Хмурая какая-то, на лице минимум косметики, но главное — некрасивая. Так, будет максимум симпатичная, если добавить макияжа, и то с натяжкой. Таковую выхватишь взглядом в толпе и тут же забудешь. То, что надо. Уж она точно не станет отвлекаться на всякие глупости в виде длительных отношений.

Ее лицо почему-то кажется знакомым. Присматриваюсь.

«Нет, — решаю через некоторое время, — вряд ли раньше встречались».

Замечаю, что девушка как-то странно на меня смотрит, и тут же приосаниваюсь. Да, детка, таким, как ты, только и остается, что смотреть.

— Вон ту шатенку пригласите в мой кабинет на собеседование через десять минут, — обращаюсь к Юрию Валентиновичу и иду обратно к себе.

Кажется, я только что нашел новую помощницу.

Глава 4

Элина

Я непонимающе таращусь на блондинку-эйчара и чувствую, как подкашиваются ноги.

Переспрашиваю:

— То есть как это собеседование с Вильманом? По телефону сказали, что помощницу ищет Самарцев.

Я предполагала, что меня сразу вытолкают вшаей из здания и скажут больше никогда не осквернять холдинг своей персоной, но личная беседа с Вильманом? Да он еще более жуткий тип, чем я могла себе представить. Явно решил расквитаться лично.

— Девушка, — хмурится блондинка, — вам работа нужна или нет? Пойдемте, времени мало.

Она торопливо идет по бесконечным коридорам, а у меня так шумит в ушах, что все дальнейшие слова воспринимаю как белый шум.

Гадаю, сколько продлится наша беседа. Минут пять? Впрочем, чтобы устроить показательную порку, ему хватит и одной.

Даже представить не могу, как именно он решит мне отомстить. В том, что решит, даже не сомневаюсь: такой человек точно не упустит возможности отыграться.

Конечно, у меня в клубе была вырвиглазная прическа и

ровно такой же макияж. До сих пор помню, как щупала эту копну мелких кудрей в африканском стиле. Но я видела взгляд Вильмана: слишком пристальный, слишком цепкий, слишком изучающий. Сомнений нет: узнал.

Пытаюсь взять себя в руки, но тщетно: в висках пульсирует кровь, а губы пересохли так, что требуется усилие, чтобы разлепить их.

Не успеваю ни о чем подумать, тем более продумать план отступления или хотя бы разговора, как эйчар что-то говорит и смотрит на меня.

«Бу-бу-бу...» — вот и все, что я слышу. Трясу головой, чтобы избавиться от белого шума, переспрашиваю:

— Простите?

Та вежливо повторяет:

— Мы пришли. Марк Антонович уже ждет вас, прошу.

Она открывает передо мной дверь, и мы оказываемся в его приемной.

Вижу за стойкой новую знакомую из туалета. Она встает с места и переводит удивленный взгляд с блондинки на меня и обратно.

— Светлана, — обращается к ней эйчар, — проводите девушку на собеседование с Марком Антоновичем.

Она удаляется, а почти бывшая помощница Вильмана изгибает бровь, но лишних вопросов не задает, лишь коротко бросает:

— Свято место пусто не бывает. Быстро он. Что ж, прой-

демте.

Она выходит из-за стойки и плавно, качая изящными бедрами, подходит ко второй двери, за которой меня и ждет моя погибель.

Перед тем как сделать шаг внутрь, замечаю на себе сочувствующий взгляд Светланы.

Да, тележка сочувствия мне точно пригодится. Чуть позже, после беседы с мистером Не Привык К Отказам.

Кабинет просторный, очень светлый и... какой-то холодный. Как и его хозяин, кресло которого поворачивается от панорамного окна ко мне ровно в тот момент, когда я лепечу:

— Д-добрый день.

Тут же застываю и вжимаю голову в плечи. Что-то сейчас будет?

Мистер Не Привык К Отказам кладет руки на стол, сцепляя пальцы в замок, и невозмутимо интересуется:

— Как вас зовут?

— Элина.

— Скажите, Элина, вы готовы правильно расставить приоритеты и отдать первое место работе?

«Ах ты дрянь!», «Как ты посмела?», «Земля круглая, задница скользкая», «Я же говорил, еще встретимся...» — вот малая часть того, что я ожидала услышать вместо вопроса о приоритетах.

— П-простите? — хлопаю я ресницами.

Неужели все-таки не узнал?!

«Да-а-а!.. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!» — мысленно скрещиваю пальцы на руках на удачу, а сердце замирает в тревожном ожидании.

— Вы готовы к интенсивному графику? — Вильман изучает меня таким же цепким взглядом, как и тогда, в коридоре.

Я киваю и возвращаю ему такой же взгляд. Пытаюсь по позе, положению тела и мимике понять: он правда не играет со мной или прикидывается, чтобы нанести сокрушительный удар в самый неожиданный момент.

— Готовы поступиться личной жизнью ради карьеры? — задает он следующий вопрос все тем же спокойным тоном.

— Да, это не проблема, — с готовностью киваю я.

По всему выходит, что действительно не узнал. Обязательно расцелую подругу в обе щеки! Макияж и прическа, которые спасли меня от гнева Вильмана, были ее идеей.

Только вот вопросы у него какие-то странные... С чего вдруг его интересует моя личная жизнь?

— Вы приняты, — прерывает мои размышления Марк. Его лицо озаряет еле заметная улыбка. — Конечно, пока только на испытательный срок.

— В смысле принята? — окончательно теряюсь я. — А как же мой опыт, рекомендации с предыдущего места...

Не успеваю договорить — Вильман качает головой.

— Элина, вы уже дошли до собеседования с Юрием Валентиновичем, что было бы невозможным, не обладай вы

достаточным уровнем компетенций. О вашем предыдущем опыте мне рассказал кадровик, он впечатляет. К тому же нет ничего лучше практики, чтобы оценить человека в деле. Или вы не согласны?

— Согласна! — резво киваю я.

Надо же, кое в чем мы с ним совпадаем. Я тоже считаю, что в теории нет толку, если она не переходит в практику.

— Надеюсь, вы меня не подведете. Идите. Первоначальную зарплату и прочие моменты обсудите с сотрудником отдела кадров, а Светлана введет вас в курс моих дел. Жду вас завтра утром. И без опозданий, разумеется.

Пытаюсь выдать из себя хоть слово, но не получается. В итоге снова киваю.

— Вот еще что... — морщится он. — Смените, пожалуйста, этот дешевый костюм на подобающий. Если планируете работать в компании такого уровня — соответствуйте.

Чувствую, как начинает гореть лицо. Вообще-то, это мой лучший костюм!

«Соответствуйте», — мысленно кривляю его, но вслух отвечаю коротко:

— Хорошо.

Я разворачиваюсь и на ватных ногах топаю к выходу.

Уже в дверях он задает вопрос, от которого застываю на месте:

— Мы с вами раньше нигде не встречались?

Выжидаю несколько секунд и перед тем, как закрыть за

собой дверь, улыбаюсь и отвечаю максимально ровным тоном:

— Не думаю, Марк Антонович. Мы с вами с разных планет и вряд ли могли пересечься.

Мне показалось или его лицо вытянулось на долю секунды?

Вследующую секунду он выдает:

— Да, наверное, вы правы.

Похоже, показалось.

Мы с подругой сидим в кафе недалеко от ее дома. Неделя была ударная, и это мой первый выход не в направлении «работа — дом, дом — работа».

— Вдруг он все-таки узнал тебя? — хмурится Катя.

— Да ну, — отпиваю горячего чая и машу рукой я. — Он до сих пор ни единого намека не кинул по этому поводу. Такой человек вряд ли стал бы терпеть рядом с собой оскорбившую его хамку.

— Не знаю, не знаю, — качает головой подруга, рассматривая что-то в мобильном. Воскликает: — Все-таки хорош, чертяка! Бог однозначно дал ему все. Кроме твоего телефона.

— Ну, мой телефон у него теперь тоже есть, — смеюсь я. — А еще почта, второй номер телефона и даже страница в соцсетях. Только вот красота для мужчины, как по мне, серьезный минус. Я уже заколебалась его барышням веники

рассылать и столики в ресторанах заказывать. При этом он и работе на все сто отдается. Как у него сил на все и всех хватает, ума не приложу. Словно батарейка в одном месте.

Подруга улыбается, а я резко серьезнею:

— Мне нельзя терять эту работу. Когда озвучили зарплату, еле сдержалась от прыжка до потолка. Сумма в полтора раза больше, чем я рассчитывала и чем предлагают другие компании. И это только в первые пару месяцев.

— М-да, — подпирает подбородок рукой подруга, — существенный аргумент.

— Ты бы видела, как мама отреагировала, — вздыхаю я. — Когда рассказала, что скоро смогу серьезно помочь, ее лицо осветилось, даже морщинок будто стало меньше. А я сидела, смотрела на нее, и аж сердце щемило.

— Так она ведь всегда отказывается от помощи? — удивленно тянет Катя.

— Ну да, и в этот раз отнекивалась, мол, сами справятся. Как обычно, в общем. Да куда там сами? Еще и Маша с Юлей в этом году поступили в универ. Родителям вдвойне тяжело. А скоро и Даньке поступать.

До сих пор не могу спокойно вспоминать о том, что случилось.

Никогда не забуду, как родители однажды вечером сообщили мне, сестрам и брату о том, что у нас скоро будет свой дом. ДОМ. И у каждого будет — подумать только! — своя комната. Поди-ка все соседи слышали, как радостно мы ве-

решали.

Началась стройка века. Землю мы получили от государства как многодетная семья, но дальше все зависело от родителей. И они старались как могли. Даже бабушка и та достала из-под матраца свои накопления.

Каждую свободную минутку мы ездили на участок, вкладывали в него душу, по кирпичику строили семейную «усадьбу». Отец взял несколько кредитов, постоянно мотался по подработкам и очень сильно уставал. Тем не менее ни разу не пожаловался и сиял, как начищенный самовар.

Несколько лет ушло на возведение и внутреннюю отделку. Оставалась всего неделя до переезда, и... случилось возгорание. Пожарные сказали, короткое замыкание. От будущего семейного гнездышка остались лишь стены.

Я в ту ночь в первый и последний раз видела, как отец плакал, стоя на пепелище. Тогда не просто дом сгорел — мечта.

Он сразу будто постарел на десять лет. В первое время запил, но слава богу, быстро взял себя в руки: дома больше не было, а куча долгов и непогашенных кредитов осталась. Однако все равно сник, от прежнего улыбчивого папы осталась лишь тень.

Тогда я решила, что вырасту и обязательно помогу им.

В детстве бабушка часто жестом фокусника доставала из кармана то конфетку, то шоколадку, то еще что-то. Хитро подмигивала и заявляла: «Это тебе зайчик передал».

Теперь этот зайчик я — потихоньку пихаю в карманы ма-

ме посильную помощь в виде хрустящих купюр.

— Эль, а там еще большая сумма по кредитам? — выдерживает меня из воспоминаний Катя.

— Мама молчит, но когда спрашиваю, мгновенно грустнеет. Выходит, немаленькая. Вот поэтому, — всплескиваю руками я, — мне и нужно держаться за это место. Мне столько в другом месте ни в жизнь не заплатят. И свою собственную квартиру жуть как хочется.

— Как ты еще держишься? — качает головой подруга. — Каждый день как на пороховой бочке: узнает или нет. Я б не смогла так, честное слово.

— Не сыпь мне соль на рану, и так постоянно вздрагиваю чуть что. Мне ведь и самой порой кажется, что он как-то подозрительно на меня смотрит. Паранойя.

— Вряд ли паранойя. Как ни крути, Эль, а шанс, что босс тебя узнает, остается. Даром, что ли, в первый день спросил, не встречались ли. Значит, сомнения есть.

— Именно поэтому, — киваю я, соглашаясь с подругой, — я должна сделать все и даже чуточку больше, чтобы стать незаменимой помощницей. Чтобы, когда он меня узнает, уже не захотел терять.

Слышу, как из глубины сумки раздается трель входящего сообщения.

«Жду тебя на работе через полчаса».

— Кто? — кивает на мобильный Катя.

— Догадайся, — усмехаюсь я. — Босс уже на рабочем ме-

сте. Суббота? Не, не слышали.

Вот и закончился мой первый выходной, даже толком не начавшись. Но я знала, на что соглашалась.

— Я побежала, не хочу заставлять его ждать.

Быстро целую подругу в щеку и выхожу из кафе.

Похоже, Вильман не шутил, когда говорил, что о личной жизни придется забыть.

Видимо, рассудил так: мне должно хватать *его* личной жизни. И правда, там такие перипетии — любой бразильский сериал позавидует. Одна его маменька чего стоит.

Боже упаси иметь такую родственницу. Надеюсь, никогда не встретимся вживую, мне хватает и телефонных разговоров с ней.

«Оставь надежду всяк сюда входящий...» — отчего-то всплывает в голове.

Глава 5

Марк

Я смотрю на огромный дом матери, качая головой, и неспешно иду к входной двери.

«Марк, ты мне срочно нужен. Это вопрос жизни и смерти! Жду тебя на ужин в восемь вечера и ни минутой позже. Все при встрече», — сообщила она мне час назад.

«Что на этот раз?» — задаюсь вопросом про себя. Спрашивать вслух бесполезно — все равно не создается. Интриганка.

Отчего-то чувствую: ничем хорошим это не кончится, но отказаться от визита — себе дороже.

Елизавета Карловна Вильман как никто другой умеет донести до собеседника всю глубину его вины, морального падения и неподобающего поведения. Вынести мозг, проще говоря. Так что легче заскочить к ней на полчаса, а потом ехать дальше по своим делам.

К тому же в роли вечерних дел сегодня восхитительная голубоглазая Антонина. Эта крошка сможет залечить возможные раны после общения с матерью и скрасить вечер. Может, даже не один.

Дворецкий провожает меня в просторный светлый зал, и мне навстречу поднимается мать и абсолютно незнакомая худющая девушка.

Мозг пронзает внезапное подозрение: неужто родительница взялась за старое? Только не это...

«Значит, вопрос смерти», — подмечаю про себя.

Смотрю на незнакомку. Длинное лицо с вытянутым подбородком, близко посаженные маленькие глазки невнятного оттенка, тонкие губы и полное, нет, полнейшее отсутствие даже намека на первые девяносто. При этом девушка подслеповато щурится и вызывает только два желания. Даже не знаю, какое перевешивает: пожалеть или пристрелить, как больную лошадь, чтоб не мучилась.

Кто это? Данный вопрос терзает меня недолго.

Мать кокетливо поправляет идеальную прическу и улыбается во все тридцать два белоснежных зуба, над которыми трудились лучшие стоматологи страны:

— Знакомься, Марк, это Илона Демидова. Илоночка — потомок тех самых Демидовых...

В груди хмурой тучей собирается негодование: я был прав, мать снова заделалась свахой.

Дальнейшую мини-лекцию по истории очередного дворянского рода благополучно пропускаю мимо ушей.

Мама всегда была помешана на нашем аристократическом происхождении и отчего-то возомнила, что для меня это должно быть ценно ничуть не меньше.

Однако на самом деле меня мало заботит тот факт, что в моих жилах течет голубая кровь.

Вернее, заботит, но только потому, что она задалась ве-

ликой целью: женить единственного сына на аристократке. «Негоже портить родословную обычной кровью».

И... несколько лет назад начались смотрины. Все попытки объяснить, что мне это не нужно, пресекались на корню.

«Ах, ты просто ничего не понимаешь. Потом оценишь, поймешь, как мать была права!»

Не понял до сих пор. Жеребец на рынке — вот как я себя ощущал во время встреч с претендентками на мое сердце. Когда меня окончательно достала вся эта эпопея и надоело увиливать, я взбеленился и решил играть в ее игру, только с другого бока.

Начал подсылать к ней мнимых родственников, которые желали откусить жирный кусок пирога — семейного капитала. Маменька была вынуждена оставить идею с моей женьтибой и заняться отваживанием «гадких врунов, порочащих честь и имя Вильманов».

В конце концов она раскусила мой хитрый замысел. Я выиграл «джекпот»: она капризно дула губы следующие полгода, лишив меня нашего общения. Это были лучшие полгода в моей жизни за последние несколько лет.

Потом родительница благосклонно махнула ручкой и простила непутевого сына.

Следующий год прошел более-менее мирно, и вот, похоже, она снова готова ринуться в бой с прытью, достойной лучшей гончей.

Кажется, я слишком явно и недовольно поджимаю губы,

потому что мать встает в заметную только мне стойку и с легкой улыбкой представляет госте:

— А это мой воспитанный, — она намеренно выделяет последнее слово, — сын.

И то верно, разбор полетов лучше устраивать без посторонних глаз.

Я старательно надеваю на лицо улыбку и целую руку Илоне.

В конце концов, вряд ли ей светят другие поцелуи, разве что мужчина будет под дулом пистолета.

Честно пожертвую получасом, но большего от меня не ждите — тут хотя бы столько выдержать.

Мы проходим к столу, и начинается так горячо мною любимая великосветская беседа. Мать так филигранно рекламирует Илону, что мне остается лишь посетовать, что она не работает у нас в отделе маркетинга — мы бы еще больше озолотились. Будь на моем месте кто другой, точно встал бы из-за стола с кольцом на пальце.

Я же старательно делаю вид, что зверски голоден, усиленно киваю и отвечаю, только когда обращаются непосредственно ко мне.

Новоявленная «невеста» подмечает мое хмурое настроение и берет дело в свои руки.

Как вскоре выясняется, зря.

— Я знаю, вы управляете целой компанией, Марк. Должно быть, это так увлекательно и интересно! — хлопает рес-

ницами Илона.

Посылаю матери молниеносный взгляд «ты кого нашла, а?» и саркастично изгибаю бровь. Ну да, ведь именно эти эпитеты как нельзя лучше характеризуют управление огромным холдингом. Уж лучше бы не касалась той темы, в которой совсем не смыслит.

— О да, крайне увлекательно!

«Прямо-таки уморительно», — это я уже про себя.

А Илону уже не остановить. Через пятнадцать минут от ее шедевальных вопросов у меня дергается глаз.

Как там говорят, девушка может быть либо умная, либо красивая? Илоне удалось доказать обратное: она мало того что поразительно уродлива, так еще и глупа.

Я готов громко рассмеяться — мать видит то же, что я, и уже не рада, но вынужденно держится. Такое ощущение, что собственный тест-драйв будущей невестки она провести попросту не успела.

Мне определенно пора ретироваться отсюда.

Нужен хороший повод, а что может оправдать меня лучше работы? Правильно, ничего. Исподтишка достаю телефон и отточенными за годы движениями набираю сообщение помощнице.

«Срочно мне позвоните!»

Звонок раздается буквально через минуту.

— Вынужден отлучиться на минутку, — извиняюсь я перед дамами, — надо ответить. Работа.

Встаю из-за стола и выхожу из столовой, сбрасываю вызов и пишу новое сообщение: «Отбой».

Пусть думает что хочет. В конце концов, она мне обязана гора-а-аздо большим, чем простой звонок.

— Ты что удумал?! — раздается позади шипение матери.
— Ты не можешь просто так уйти посреди ужина!

— Работа, — хмыкаю я и обвожу рукой пространство вокруг нас, — благодаря которой ты можешь позволить себе все это и даже больше. Извинись за меня перед Илоной. И да, — склоняю голову набок, — надеюсь, мы с ней больше не увидимся.

Мать прищуривается, пытаясь прожечь во мне дыру взглядом. Не выходит.

— Ты прав, — скорбно признает она поражение. — Она нам не подходит.

По ее взгляду как-то сразу понимаю: это только начало. Что ж, маменька, хочешь нового сезона шоу «Женить сына»? Будет тебе новый сезон.

Я буду не я, если не придумаю что-нибудь покруче мнимых родственничков.

Глава 6

Марк

Элина заходит в мой кабинет и дожидается, пока я обращу на нее внимание.

— Марк Антонович, я отправила Маргарите Симонян подарок и корзину ее любимых цветов от вас, — отчитывается она. — Праздничная вечеринка состоится в восемь, вы приглашены.

Черт, я ведь совсем забыл о юбилее Симонян! Знатный бы вышел конфуз: мы только-только вошли со своей продукцией в крупнейшую сеть страны, а навести мосты с ее владелицей забыли.

— Я пересогласовала место встречи с партнерами в следующий вторник, — продолжает Элина. — Она пройдет в бизнес-центре «Кристалл».

Едва заметно поднимаю бровь, и помощница сразу это замечает, спешит объяснить:

— Вам туда ближе добираться из аэропорта. Вы можете не успеть, если проводить встречу ее в офисе.

— Хорошо, спасибо, Элина, — киваю я довольно.

— Ах да, — уже перед дверью оборачивается ко мне она, — столик в «Барокко» на завтра, на двоих, заказан, все в порядке.

Элина закрывает за собой дверь, а я удивленно покачиваю

головой.

На самом деле задача была из разряда невозможных.

«Барокко» — едва ли не самый пафосный ресторан города, столики бронируют чуть ли не на месяц вперед. К тому же как раз завтра они открываются после реконструкции, а значит, и вовсе будет аншлаг.

Это приблизительно то же самое, что попытаться заполнить билеты на самые козырные места на главный футбольный матч страны в день его проведения.

Даже любопытно, как она раздобыла столик.

Впрочем, моя помощница всегда максимально собрана и готова решать сложные задачи. Легкая улыбка, минимум косметики, максимум креативности и быстроты реакций.

Я весьма высоко ценю в людях деловую хватку и умение держать удар.

По сути, Элина только один раз и дала слабинку — когда впервые увидела меня в коридоре, придя на собеседование.

А я-то гадал, отчего тогда так удивленно вытянулось ее лицо.

Прямо как у меня в тот момент, когда она произнесла «Мы с вами с разных планет».

Знала бы она, чего мне стоило сдержаться и не показать ей, что сложил пазл, узнал мерзавку такую.

Смотрел, как медленно-медленно закрывалась за ней дверь. И вот, когда раздался нужный щелчок, меня понесло: я зарычал и одним движением руки смахнул на пол все бума-

ги, подскочил и в бешенстве начал мерить комнату шагами. Пришлось даже галстук ослабить — не хватало кислорода.

«Вот же дрянь!» — сверлила мозг одна и та же мысль. Перед глазами всплывала ее ухмылка, и я снова будто вживую ощущал этот мерзкий и унижительный холод ниже пояса, когда она выплеснула на меня коктейль.

Больше всего хотелось выйти из кабинета, дать понять, что все знаю, как следует насладиться ее попытками оправдаться, а потом прилюдно выгнать.

Она что думает, ей это с рук сойдет?

Поди-ка искренне верит, что все обошлось, и втихомолку смеется над олухом Вильманом.

Как и Богдан. Тот до сих пор подтрунивает надо мной, вспоминает эту проклятую мяту на моих штанах: старею я, видите ли, сдаю позиции. Правда, тогда под моим пристальным взглядом он тут же примирительно поднял ладони и даже извинился. Но осадочек-то остался...

И ладно бы только друг. Черный пиар — тоже пиар, но я готов был рвать и метать, читая громкие заголовки печатных и интернет изданий: «Шок! Как развлекаются олигархи!» «Вильману мята по...» «Стареющий ловелас на выгуле».

Стареющий? Да я в самом соку! И ведь это были самые безобидные из заголовков.

Пришлось совершить немало звонков, чтобы унять шумиху в прессе, однако одна важная сделка все равно сорвалась.

И виновата в этом Элина. А тот, кто виноват, должен по-

нести наказание. Логично? Весьма, как по мне.

Почти неделя у меня ушла на то, чтобы не закипать каждый раз, когда ее вижу, и не тянуться к ней в страстном желании хорошенечко встряхнуть.

Теперь я просто медленно слежу за добычей, изучая ее повадки и поведение. Пусть расслабится.

Интересно, неужели Элина и правда думает, я настолько туп, что не узнаю ее никогда, что она сможет притворяться вечно?

Не тут-то было. Месть — это блюдо, которое подается холодным. Она мне за все ответит, обязательно, осталось только придумать как. Просто прилюдно отчитать и уволить — это слишком мелко. Тут нужно что-то другое. Такое, что она будет вспоминать вечность, просыпаться по ночам и вздрагивать.

Никогда не мешал работу и личное, но в этот раз охотно сделаю исключение. Посмотрим, как она будет держать удар, когда я вскрыю карты.

Дверь в кабинет открывается, и Элина входит, держа в руках поднос с кофе.

Она с легкой улыбкой ставит передо мной чашку и сообщает:

— Марк Антонович, звонила ваша мама, просила напомнить о билетах в театр на завтрашний вечер.

Я киваю и жду, когда помощница выйдет. Облокачиваюсь о стол, скрещиваю пальцы и ехидно улыбаюсь.

Билеты в театр на завтра?

Мозг простреливает шальная мысль. Это отличная идея: я-то никак не могу отменить свои планы, у меня столик в «Барокко». А вот Элина... Ну, у нее же все равно никакой личной жизни, да и не посмеет мне отказать.

Решено. В театр вместо меня завтра вечером пойдет она.

Уже предвкушаю ее знакомство с Елизаветой Карловной. Чувствую, их обеих ждет незабываемый вечер: аристократка и «плебейка», которая за словом в карман не лезет. Мать гарантированно взбесится. Даже жаль, что меня там не будет.

Элина

Я заношу боссу бумаги на подпись, и он многозначительно выдает, пока их подписывает:

— Элина, не занимай завтрашний вечер.

«Не поняла...» — хлопаю я ресницами.

У него ведь на завтра назначено свидание с очередной дамой сердца в «Барокко». Я как минимум сорок звонков сделала, чтобы заполучить этот проклятуший столик! Думала провести время с семьей, пока шеф будет развлекаться, а тут на тебе.

Если он мне сейчас скажет, что нас ждет работа в офисе, я... А что я? Все равно ничего ему не сделаю.

Грустно вздыхаю и вопросительно поднимаю брови в ожидании дальнейших указаний.

— Ты идешь в театр на оперу «Садко».

Чего?

Какая опера, какой театр? Да простят меня ценители высшего искусства, я не люблю ни оперу, ни балет. Ни разу там не была и добровольно не собираюсь.

— Это не обсуждается, — усиливает напор Вильман. — Ты будешь сопровождать Елизавету Карловну.

Мать моя женщина... Что ж мне так везет-то? Я уже заочно успела оценить ее стойкий нордический характер и встретиться вживую не имею ни малейшего желания. Ну да кто б меня спрашивал.

Выхожу из кабинета босса на ватных ногах, преследуемая единственным желанием: купить броню и каску. Чувствую: они мне ой как пригодятся. Вдруг не ужогу, и она после встречи наплетет сыну какой-нибудь ереси обо мне, а тот возьмет и уволит никудышную помощницу.

Если она взъелась на меня после того, как я, по ее мнению, недостаточно быстро соединила ее с сыном, то что будет при встрече нос к носу? Ох...

К тому же мать есть мать, кому он поверит в случае чего: ей или новенькой, которая на него работает без году неделя?

«Элина, отставить панику», — пытаюсь успокоиться. Нужно просто вести себя тише травы ниже воды.

— Элина Епанчина, — с улыбкой произношу я, когда вижу Елизавету Карловну в театре. — Я помощница вашего сына, мы с вами общались по телефону. Приятно встретиться-

ся вживую. Вы прекрасно выглядите.

— Добрый вечер.

Близкая родственница Круеллы де Виль смотрит словно мимо меня.

И ведь ни к чему не придаться: голос вежливый, на лице госпожи Вильман располагающая улыбка, но весь ее вид заставляет почувствовать себя ничтожным микробом рядом с ней.

И этот взгляд... Холодный, оценивающий, цепкий. Теперь понятно, в кого такой у Марка.

Мой комплимент она оставляет без внимания, бегло скользит взглядом по моему наряду — черному платью-футляру до колена — и еле заметно поджимает губы.

Еще бы, сама она выглядит так, словно над ней колдовала целая команда: стилисты, визажисты, парикмахер. Не исключено, что так оно и есть. Одна красная рубашка-платье в пол чего стоит. Или это такой супердлинный пиджак? А еще жемчуга в четыре ряда и... перчатки.

Чувствую себя замухрышкой на ее фоне.

Рядом с ней стоит молодая красивая блондинка с зелеными глазами и ангельской внешностью. Только меня внешнестью не обманешь, сразу вижу: она та еще стерва. На ней тоже черное платье, только, в отличие от моего, явно дизайнерское.

Куда я попала...

— Марк где-то рядом? — интересуется Елизавета Кар-

ловна, глядя куда-то поверх меня.

— Его не будет, — вздыхаю я.

Что там с плохими гонцами делают? Вот и я внутренне готовлюсь к чему угодно, но ожидаемых вопросов или недоумения не слышу.

— Как же так? — вместо этого тонким голоском интересуется блондинка, мигом грустнея.

— Ничего, дорогая, — теплым тоном выдает Елизавета Карловна, — познакомлю вас в другой раз.

Так вот оно что... Марк Вильман — свинтус. Теперь понятно, почему отправил меня вместо себя. Елизавета Карловна тоже хороша: можно подумать, без нее сыночек ну никак себе барышню не найдет. Официально заявляю: найдет и еще как. Чуть ли не каждый день находит.

Другое дело, что нормальная девушка за него замуж и сама ни за какие коврижки не выйдет, учитывая его гулящую, если не выразиться грубее, натуру. Разовый фламинго, чтоб его. Да-да, именно так: разовый. Потому что на большее господина Вильмана не хватает в принципе.

Да еще и такая свекровушка в придачу — чистая горгулья. Ой не-е-е, и врагу не пожелаю такого жениха.

— Знакомьтесь, — тянет Елизавета Карловна, — это Дарина Воронцова.

Дарина улыбается мне такой же холодной улыбкой. Такое ощущение, что они обе одни и те же курсы закончили.

Мы не общаемся и пяти минут, а я уже отчего-то начинаю

чувствовать себя так, словно провинилась в чем-то. Знать бы еще в чем!

Эх, мне бы сюда хрустальный шар, чтобы заглянуть и узнать, как вести себя так, чтобы Елизавета Карловна не жаловалась на меня сыну.

Я протягиваю дамам купленные программки, мы проходим внутрь и занимаем места. Мне достается крайнее место слева, рядом садится блондинка, а за ней и Елизавета Карловна.

Они легкими движениями кладут свои клатчи к себе на колени. Повторяю это движение за ними и устраиваюсь удобнее, кладу руки на подлокотники кресла.

Слава богу, долго ждать не приходится, свет гаснет буквально через минуту, гул голосов стихает, и начинается представление.

Я даже не пытаюсь вслушиваться: мне никогда не удалось разобрать, что именно поют оперные певцы, особенно женщины. Втихомолку вожу взглядом по залу: практически все увлечены происходящим на сцене.

Каждому свое — решаю в итоге. Вот из меня ценитель так себе. Может, проверить рабочую почту?

«Нет», — останавливаю сама себя. Еще не хватало тут экраном светить, точно с позором изгонят.

Становится жарко, и я хватаю программку и начинаю ею потихоньку обмахиваться. Фух.

Сколько там еще до конца? Боже, скорее бы уже антракт! Честное слово, с удовольствием бы выдумала какое-нибудь сверхважное задание от Марка Антоновича и смылась, но Елизавета Карловна запросто сможет вычислить мою ложь.

Нет, так рисковать нельзя.

Когда моя попа уже становится квадратной, а терпение заканчивается, как и место в мочевом пузыре, объявляют антракт.

Я достаю из сумочки телефон.

— Простите, у меня очень важный звонок. По работе, — объясняю, глядя на Елизавету Карловну, и выхожу.

Ну право слово, не говорить же, что мне срочно надо в туалет. Вдруг это некультурно в театре.

Лечу в дамскую комнату. Когда уже готова выйти из кабинки, слышу приглушенные голоса. Сразу узнаю менторский тон госпожи Вильман.

— Это невообразимо. Подумать только, занять оба подлокотника кресла! Какая невоспитанность...

— А как она программкой обмахивалась, вы видели? Программкой! Обмахивалась! — поддакивает Дарина. — Уму непостижимо. Впрочем, после того, как она в холле пристально смотрелась в зеркало, я уже ничему не удивлюсь.

«Господи, а с зеркалом-то что не так?» — недоумеваю я. Не то чтобы было понятно все остальное, но обычное зеркало им чем не угодило?

— Ох, Дариночка, не все настолько образованны, вежли-

вы и культурны.

— Елизавета Карловна, мне не хочется вас расстраивать еще больше, но, по-моему, Элина даже уснула на несколько минут.

Тон, которым это произносит Воронцова, звучит так, словно я на красную кнопку ядерного чемоданчика нажала, не меньше. Каюсь, я могла отрубиться, но разве что на пару минуточек. Третий день сплю буквально часа по три, слишком много работы.

— Да ты что! — восклицает Елизавета Карловна. — Это уже слишком. Помощник Марка — лицо компании. Такое поведение в обществе недопустимо, поэтому я завтра же попрошу его найти себе другую помощницу. Завтра же!

— Елизавета Карловна, это не слишком сурово?

— Нисколько, Дарина. Он ее уволит, это не обсуждается.

Слышу, как дверь в дамскую комнату закрывается, и выхожу.

Медленно топаю к зеркалу, мою руки и смотрю на свое отражение.

«Ну что, Элина, помогла родителям?»

Теперь Марк точно меня уволит.

Чувствую, как к горлу подступает ком, и обхватываю шею ладонью. Стою так с минуту.

А потом меня берет зло. Да кто они такие?! Вершительницы судеб, блин!

Подумаешь, не так села, не так обмахнулась программкой

и посмотрелась в зеркало. Может, еще моргала не так или дышала?

А насчет уснула... Честно, не помню этого, может, просто глубоко задумалась. Но даже если и уснула — неужели это такие страшные прегрешения? Это ну совершенно никак не сказывается на моей работе. Я хороша в своем деле — это знаю точно.

Злобно прищуриваюсь и топаю обратно.

Ну, раз меня все равно уволят, то смысла сдерживаться нет.

Госпожа Вильман и ее ручная поддакивалка уже на местах.

Я демонстративно плюхаюсь на свое место и ловлю на себе поднятые брови обеих.

«Давай, Элина, — подбадриваю себя. — Доминируй, властвуй, раздражай и ни в чем себе не отказывай: занимай оба подлокотника!»

Это и делаю. На соседок уже не смотрю, делаю вид, что безумно увлечена чтением программки.

Потом кладу ногу на ногу и громко кашляю. Боковым зрением подмечаю: Елизавета Карловна покрывается легким румянцем. Того и гляди, в обморок шлепнется.

Во время представления несколько раз прошу Дарину объяснить, что происходит на сцене, — вроде как недопоняла. Ну, а что такого, может, я страстно возжелала приобщиться к прекрасному?

Когда представление наконец заканчивается, я вскакиваю с места и громко аплодирую, чем привлекаю к нашей тройке всеобщее внимание.

М-м, то что надо.

Затем поворачиваюсь к соседкам и так же громко восклицаю:

— А это не так скучно, как я думала!

Удовлетворенно подмечаю, что Елизавета Карловна еле сдерживается — ее, бедненькую, аж перекосило.

— Простите, мне пора, — сообщаю дамам и, не дожидаясь какой бы то ни было реакции, двигаюсь в гардероб.

Похоже, завтра меня ждет знатный разбор полетов и громкое увольнение.

Однако к тому, что происходит на следующий день на самом деле, оказываюсь не готова.

Глава 7

Марк

Я хватаю телефон, отключаю будильник и вижу пять пропущенных вызовов от абонента «Мама». Разумеется, не слышал их — мобильный стоял на беззвучном режиме, к тому же я слишком увлекся белокурой нимфой, Марией.

Сон как рукой снимает. Я встаю с кровати, ухмыляюсь и довольно потираю ладони — полученный результат превзошел все мои ожидания. Елизавета Карловна Вильман никогда не утруждает себя повторными звонками, а если такое все же происходит, значит, дело дрянь.

Пять пропущенных подряд — это и вовсе нечто запредельное. Больше не сомневаюсь: Элина справилась с задачей довести ее до белого каления на все сто.

Я перезваниваю матери сразу после душа, пока собираюсь на работу. И практически сразу быстрым движением отодвигаю трубку подальше: оттуда раздается такой ультразвук, что я болезненно морщусь.

Через пару минут, когда она перестает истерично верещать, рискуя снова поднести мобильный к уху, слышу:

— Сегодня же!

— Что именно?

Мать шумно вздыхает и повторяет обиженным тоном:

— Уволь свою помощницу. Мне и получаса не хватит,

чтобы описать все ее недостатки. Где это видано?! Такое амикошонство* недопустимо, Марк. На нас глазели все кому не лень! Пришлось практически сбегать из театра, чтобы не отвечать на вопросы, что это за хамка и какое отношение она имеет к нам.

— Кому это нам? — удивленно хмыкаю я.

— Мне и Дариночке. Хотела вас в театре познакомить, а в итоге весь вечер краснела перед ней за поведение этой хамки. Ты не представляешь, — возмущенно стелает мать, — через что мне пришлось пройти!

«Да ладно», — скептически поднимаю я брови.

Краснела? Это совсем не похоже на Елизавету Вильман. Либо привирает ради пущей убедительности, либо Элина и правда вчера дала жару.

Потом мозг цепляется за куда более важную информацию: очередное знакомство? Да сколько можно?!

— Мама, сколько раз тебе повторять: я не нуждаюсь в невесте, — скриплю я зубами от злости.

— Еще как нуждаешься, — не терпящим возражений тоном парирует она, — род Вильманов, знаешь ли, сам собой не продолжится. Жду тебя сегодня вечером в гости, познакомлю с очаровательнейшим созданием, Дариной Воронцовой. Эта девушка составит тебе отличную партию: она умна, красива и воспитана, не то что эта твоя...

Будто воочию вижу, как мать пренебрежительно морщит нос.

— Я надеюсь, мы друг друга поняли? — строго вопрошает она.

— Поняли, — ухмыляюсь я и кладу трубку.

Спускаюсь на первый этаж, в столовую, чтобы позавтракать.

Очевидно, мать взялась за задачу женить меня с еще большим рвением, чем в прошлый раз. Значит, и ответные меры нужны не менее серьезные.

Ничего, однажды я уже справился с этой задачей, справлюсь и в этот раз.

Мозг начинает работать в авральном режиме, перебирая различные варианты.

Нужно придумать что-то такое, что заставит Елизавету Карловну раз и навсегда отказаться от идеи женить меня, и тут подсовыванием «хамоватой» помощницы не обойтись.

Завтрак не лезет в горло, зато кофе заходит на ура, заставляя шестеренки в мозгу крутиться быстрее. Задаюсь важнейшим вопросом: в каком случае мать прекратит искать для меня невесту? Только в одном — когда на нужном пальце окажется кольцо.

В голове пазл за пазлом складывается общая картина. Значит, будет ей кольцо. Не по-настоящему, разумеется, тьфу-тьфу-тьфу. Аж передергивает от такой перспективы.

А вот если понарошку, ненадолго... Максимум на год, к примеру. Расплываюсь в ехидной улыбке. И как эта гениальная идея не пришла мне в голову раньше? К тому же и «неве-

сту» искать не надо, есть у меня одна на примете — Элина Епанчина.

Отличная кандидатура, которая бесит мать одним своим существованием. Я, правда, не особо понимаю почему. Кроме неаристократического происхождения и резкого языка ничего такого не заметил.

Скорее всего, список прегрешений Элины мать вываливала на меня тем самым ультразвуком, который я пропустил мимо ушей. Переспрашивать не стану, увольте. Но раз моя помощница умудрилась так взбесить Елизавету Карловну всего за один вечер, значит, есть все шансы, что за более долгий срок та и вовсе ее искренне возненавидит.

А если я велю Элине — а я велю! — постоянно подливать масла в огонь, раздражать маменьку, вытворять что-нибудь эдакое... То получится что надо.

Решено: я сделаю все, чтобы после такой невестки она долго не захотела вообще никакой. Но даже если вдруг когда-то все же решусь остепениться и жениться взаправду, после этой «хамки» любая из кандидаток покажется матери ангелом небесным, и она примет ее с распростертыми объятиями.

Получается, я одним выстрелом убью сразу трех зайцев: и мать отважу, и на перспективу сработаю, и Элину накажу, ведь целый год терпеть госпожу Вильман — само по себе то еще испытание.

Что ж, думаю, года брака вполне хватит для осуществле-

ния задуманного.

«Да, — киваю сам себе, — вполне рабочая идея».

Тянуть смысла не вижу: двойное знакомство состоится сегодня же вечером. Мать представит мне Воронцову, а я ей — свою «невесту».

Осталось только ввести ее в курс дела.

Уж в этот раз она мне не откажет.

В превосходном настроении мчу на работу, здороваюсь с Элиной и, перед тем как зайти в кабинет, прошу принести мне чашку кофе.

Нетерпеливо постукиваю ногой по полу, ожидая ее появления. Почему-то время тянется непривычно медленно. Секундная стрелка на круглых часах, что висят на стене, словно нарочно замерла.

«С чего начать?» — хмурюсь я, ведь сам разговор не успел продумать.

Приглашу-ка я ее в ресторан. Там сделаю предложение, обговорим детали, предложу денег за то, что будет играть роль моей невесты. А оттуда сразу поедem к матери. Вряд ли возникнут сложности — цена есть у всего, у моей помощницы тоже.

В этот момент дверь открывается, и Элина wpłyвает в кабинет и как-то подозрительно на меня смотрит. Затем подходит ближе и осторожно ставит чашку на стол.

— Ваш кофе.

Вроде и улыбается, но улыбка выглядит натянутой.

Что с ней такое? Не с той ноги встала, что ли? Впрочем, какая мне разница.

— Элина, приглашаю тебя вечером на свидание, — говорю я, расправляя плечи.

Она округляет глаза до размера шин «Белаза», затем быстро прижимает к груди поднос, на котором только что стояла чашка с кофе, и пятится к двери.

— Ч-что? — мямлит в итоге.

— Приглашаю вечером на свидание, — терпеливо повторяю я, — хочу кое-что обсу...

Договорить не успею, потому что она пищит:

— Нет!

И вылетает из кабинета, громко хлопая дверью.

***Амикошонство** — бесцеремонное, излишне фамильярное обращение.

Глава 8

Элина

Слава богу, я еще с вечера сообщила боссу, что утром уеду за готовыми документами к нотариусу.

Так что после того, как выхожу из кабинета Вильмана, первым делом сгребаю бумаги в стопку и хватаю сумочку, готовая умчаться из приемной в ту же секунду.

Почему-то перед глазами возникает его образ с горящим грозным взглядом. Он поднимает руку и указательным пальцем тычет в дверь кабинета, громогласно приказывая: «Зайди!»

Я передергиваю плечами. Брр... Привидится же такое. Не дожидаясь, пока Марк Антонович действительно выйдет и попросит зайти в его святая святых, хватаю сумочку, бумаги и вылетаю из приемной.

«Что на него вообще нашло?» — недоумеваю про себя.

Я-то думала, зовет в кабинет, чтобы отчитать и уволить после того, как Елизавета Карловна наябедничала, но чтобы такое... Зачем ему это свидание? Решил напоследок переспать, а потом уволить — так, что ли?

Что называется, получи, фашист, гранату. Беда пришла, откуда не ждали.

«Вот же свин подколодный! — пыхчу про себя от злости, пока мчусь к выходу из офиса. — Прикормил, наобещав зо-

лотых гор, усыпил бдительность и напал в самый неожиданный момент!»

Возможно, другая бы на моем месте не злилась, а верещала от восторга. Мало того что не уволил, так еще и на свидание позвал. В конце концов, он мужчина видный, умный, симпатичный. А то, что девушек меняет как перчатки, так это, видимо, особенность характера такая, ма-а-аленький такой недостаток. Недостаточек.

Тьфу. Нет уж, мне такое добро и даром не нужно. Я просто хочу спокойно работать!

Выхожу из здания, сажусь в машину, которую для поездок по рабочим делам выделила компания, и называю водителю адрес.

Авто трогается с места, а я вспоминаю, какими лестными эпитетами наградила Вильмана его предыдущая помощница Светлана: «исчадие ада» и «бесчувственный робот».

Я запомнила эти хлесткие характеристики, потому что они показались мне несочетаемыми — как в одном человеке может уживаться и то и другое? Оказывается, вполне себе может, если речь о Марке Вильмане.

Мозг пронзает внезапная догадка.

Что, если он уволил Светлану потому, что она отказалась его ублажать вне работы? Или ублажала недостаточно качественно? Или, что вероятнее всего, попросту наскучила?

«О-о-о... — стону про себя. — А что, если дело не в этом? А в том, что она в него влюбилась, а он взял и уволил, указав

таким образом ей на место?»

Ну а что. Яблоко от яблоньки... Может, Марк Вильман, как и его мать, считает, что простолюдинки годны лишь для постели, а для чего-то серьезного — только девушки его круга. Да, вполне вероятно. Тогда все сходится.

Что же мне делать? Быть одной из его подстилок я не собираюсь, но как отказать так, чтобы он не обиделся?

По всему выходит, что никак. Тут и к гадалке не ходи: Марк Вильман всенепременно оскорбится. И если в клубе получилось скрыться, то теперь такой фокус не прокатит.

«Готовься, Элина, похоже, придется тебе искать другую работу».

Усмехаюсь второй мысли: «Елизавета Карловна, считай, своего добила, пусть и не совсем так, как хотела».

Я тяжело вздыхаю — мало того, что заработать ничего не успела, так еще и в минус ушла: использовала кредитку, чтобы купить дорогуший костюм, «соответствующий статусу компании».

Настроение, и до этого болтающееся около нуля, теперь вовсе скатывается к отметке минус десять.

Что ж я такая везучая? Вот как пару месяцев назад началась полоса невезения, так до сих пор из нее выгрести не могу.

Еще и машина еле тащится. Вроде не час пик, а все равно пробки.

Внезапно мой взгляд цепляется за кое-что странное: у се-

дого, опрятно одетого мужчины вдруг подгибаются колени, и он оседает на тротуарную плитку.

— Остановите, пожалуйста! — прошу водителя и резво выскакиваю, как только он тормозит.

Когда подхожу ближе, мужчина уже сидит на плитке, прислонившись спиной к рекламному баннеру. Лицо бледное, глаза закрыты, а на лбу испарина.

А толпа течет мимо него, будто не замечая.

Я вмиг присаживаюсь рядом, осторожно беру его за руку, спрашиваю:

— Мужчина, вам плохо?

Рядом с нами останавливается какая-то женщина, кривит лицо и обращается ко мне:

— Девонька, да оставь ты его, сразу ж видно, пьяный, еще заразит чем!

Она цокает и идет дальше.

Пораженно провожаю ее взглядом и трогаю мужчину за плечо:

— Как вы? Давайте скорую вызову?

Незнакомец вдруг приоткрывает глаза и пытается сфокусировать на мне взгляд.

— Не надо... Таблетки... там... в сумке... — хрипит он и еле заметно качает головой вправо. Только теперь я замечаю небольшую сумку у него за спиной.

Расстегиваю ее и лихорадочно роюсь внутри.

О господи! В одном из отделов лежит пачка пятитысяч-

ных купюр. Быстро застегиваю молнию и ищу дальше.

Секунд через десять нахожу заветную пластинку в другом отделе и дрожащими пальцами пытаюсь извлечь таблетку. Вспоминаю, что это что-то сердечное — папе когда-то прописывали такие.

— Откройте рот, — прошу я мужчину и засовываю ему таблетку под язык.

Бросаю беглый взгляд на часы — черт, до встречи с нота-риусом осталось пятнадцать минут. Не успею. Но и бросить тут мужчину, да еще и с такими деньжищами, не могу. Буду сторожить, что делать.

Время идет, и лицо незнакомца постепенно разглаживается. На вид ему около шестидесяти, небольшая аккуратная борода и седые волосы. Наконец понимаю, кого он мне напоминает: Пирса Броснана.

— Спасибо, милая девушка, — по-доброму улыбается «Броснан», открывая глаза. Отмечаю, что они у него очень темные и выразительные. Улыбка выглядит слабой, но все равно понятно: его явно отпустило.

— Пожалуйста, — возвращаю ему улыбку. — Может, вам такси вызвать или проводить куда-то?

— Спасибо, не нужно, у меня машина в ста метрах.

Я помогаю ему подняться.

— Эдуард Германович к вашим услугам, — приосанивается незнакомец.

— Элина, — представляюсь в ответ.

— Я ваш должник, Элина. Почему вы мне помогли? Я ведь видел, что вы видели. Могли их взять и скрыться.

Его вопросы ставят меня в тупик. «Взять их и скрыться» — это он явно о деньгах. Чувствую, как горят щеки. В смысле скрыться? Нет, конечно, эти деньги могли бы решить многие мои проблемы. Но как потом спокойно спать, зная, что обокрала человека? Может, у него ситуация еще хуже, чем у меня.

— Не могла, — достаточно жестко отвечаю я, но потом смягчаюсь, объясняю очевидное: — Вам ведь плохо стало. Люди должны помогать друг другу, разве нет?

Собеседник будто удивляется моему ответу.

— Простите, Эдуард Германович, мне правда пора, я очень опаздываю. Рада, что вам лучше. До свидания!

Я разворачиваюсь и бегу к машине. Надеюсь, нотариус согласится принять меня без очереди.

Обратно еду как на каторгу и мечтаю о десятибалльных пробках, но дороги, как назло, практически без заторов.

Через час я снова в головном офисе холдинга «Вильман», и с каждым шагом все ближе к приемной босса. Ежусь все больше.

Когда подхожу к двери, застываю на месте и только через полминуты нехотя тянусь к ручке.

«Соберись, Элина, вечно оттягивать неизбежное не выйдет. Все равно придется с ним поговорить».

Я глубоко вдыхаю и выдыхаю несколько раз, открываю дверь и вздрагиваю — Марк Антонович смотрит прямо на меня.

Он что, меня тут поджидал?

Я молча прохожу и протягиваю ему конверт с документами. Он берет его и пристально смотрит мне в глаза.

— Элина, давайте проясним этот неловкий момент со свиданием. Вы меня неправильно поняли.

В смысле неправильно? Как можно приглашение на свидание понять как-то не так?

— То есть? — поднимаю я бровь.

— Ну... — разводит руками он. — Это будет ненастоящее свидание.

«Фух...» — облегченно выдыхаю про себя.

Ненастоящее свидание! Это радует, значит, не хочет в постель затащить.

Марк продолжает добродушно улыбаться — так, будто это все объясняет и теперь я уж точно соглашусь.

А мне отчего-то становится обидно.

Нет, ненастоящее свидание, конечно, лучше настоящего. Но... как-то это уже слишком!

Я хлопаю ресницами, смотрю на его самодовольное лицо и чувствую, как облегчение уходит — вместо него в груди собирается темная грозовая туча.

Не понимаю... Чем это я ему не угодила?! Неужто и он туда же, куда и Елизавета Карловна? То есть я что, по его

мнению, лицом не вышла, что ли, чтобы звать меня на настоящее свидание?

Он улыбается все шире, а я зверею все больше.

— Раз не по-настоящему, — рывкаю в итоге, — тогда тем более нет!

— Элина... — мрачнеет Марк Антонович, сужает глаза и молчит.

Весь его вид говорит о том, что он занят важным мыслительным процессом. В конце концов, он качает головой и машет рукой в сторону своего кабинета.

— Зайди.

Тут же разворачивается и идет к себе. Я вынужденно плетусь следом.

Босс машет на кресло напротив своего стола.

— Что ж ты такая упрямая... Ладно, обойдемся без ужина, поговорим тут. Садись.

О как. Это мне, по всей видимости, одолжение делают.

Я не трогаюсь с места, глядя на кресло так, словно там лежит змея, и Марк Антонович не выдерживает, повышает голос:

— Да сядь ты уже!

Я вздыхаю и осторожно усаживаюсь так, чтобы иметь возможность вскочить в любой момент.

— Элина, у меня к тебе деловое предложение, — серьезным тоном говорит Марк, пристально глядя мне в глаза. — Предлагаю сыграть роль моей невесты перед Елизаветой

Карловной.

Из рта помимо воли вырывается ошеломленное «о-о-о», однако это еще не все. Босс спешит меня добить:

— А затем и моей жены.

«Роль жены...» — эхом отдается в голове, пока я пытаюсь прийти в себя.

Марк Антонович буравит меня взглядом, но все, что могу произнести в тот момент, лишь короткое многозначительное:

— Э-э-э... М-м...

Нет, я, конечно, подозревала, что у богатых свои причуды, но чтобы настолько?

Осторожненько принимаю и сканирую сидящего напротив босса — сдастся мне, он нахрюкался. Ну право слово — станет ли нормальный человек в здравом уме делать такие предложения тому, кого едва знает?

И его сумасбродство растет в геометрической прогрессии: начал со свидания, теперь вот женитьба. Боюсь предположить, что последует дальше.

— Марк Антонович, вы не заболели часом? — сочувствующим тоном интересуюсь я. — Может, температура?

«Точнее, белая горячка», — добавляю про себя. Не обвинять же его в алкоголизме вслух.

— Нет, — непонимающе хмурится босс.

«Значит, все еще хуже», — грустно подвожу я итоги. Он сошел с ума.

Оно и понятно, с такой адской работой и веселой маменькой даже удивительно, как это не произошло раньше.

«А что, если нас снимает скрытая камера?» — вдруг доходит до меня. Потом Вильман будет громко смеяться над новенькой помощницей, которая как последняя лохушка повелась на розыгрыш.

Я поднимаюсь с кресла, качая головой.

— Это неудачная шутка, Марк Антонович, — скрещиваю руки на груди.

— Элина, — уверенно заявляет босс, — я не шучу. Мое предложение серьезно.

— Но я же не голубых кровей, — бросаю первую отмазку, что приходит в голову.

Вильман морщится, словно сжевал горсть клюквы.

Ну точно — весь в маменьку. Похоже, когда делал свое сумасбродное предложение, не подумал, что я обычная проститудинка.

Это однозначно не просто плохая затея, а препаршивейшая. Да и вообще, зачем ему это понадобилось? Спешу задать этот вопрос вслух:

— Марк Антонович, зачем вам это нужно?

Тот мнетя так, как будто я у него пароль от сейфа спросила, не меньше.

— Как бы это объяснить...

Словами, блин, как еще. Но босс хмурится и продолжает молчать.

«Это вообще нормально?» — недоумеваю я. Я, по его мнению, должна была без вопросов сразу согласиться на то, не знаю на что?

«А-а, бог с вами, Марк Антонович», — мысленно машу рукой. По большому счету, мне неважно, что там творится в его голове. И так понятно: ветер завывает, вот что.

Пусть молчит и дальше. Ну, и ищет ту, которая безо всяких объяснений согласится на любую авантюру. Мне это точно не нужно.

— Марк Антонович, я вам не подхожу, это ведь очевидно. Пожалуйста, давайте все забудем и сделаем вид, что этого недоразумения не было?

Еле сдерживаю желание сложить ладони в молебном жесте и замираю в ожидании ответа.

Босс меняется в лице и громогласно чеканит:

— Элина, позволь мне самому решать, что мне подходит, а что нет.

«Эх, — печально поджимаю я губы, — плакали мои мечты работать здесь долго и плодотворно...»

Положа руку на сердце, много вы знаете людей, которые радостно несутся на работу каждый день, готовые вкалывать как папа Карло? Я вот готова, а не дают!

Тихонечко делаю шаг назад, к двери, хотя больше всего на свете хочется рвануть туда изо всех сил.

Однако прилюдно играть роль его невесты я не намерена. И у меня на это даже не пять, как в известной песне, а гораз-

до больше причин.

Во-первых, Елизавету Карловну может хватить удар, она и нашу встречу в театре едва вынесла. Быть пусть и косвенной, но все же причиной ее смерти мне страсть как не хочется. Меня ведь совесть потом съест, причем со вкусом, причмокивая от удовольствия.

Во-вторых, что скажут мои родители? Точнее, что я им скажу?

В-третьих, если я соглашусь, папарацци точно не дадут прохода ни мне, ни моей семье. Оно мне надо? Ни капельки.

В-четвертых, Марк — тот еще бабник, вряд ли он откажется от своих походов. А значит, я буду выглядеть настоящей идиоткой в глазах других людей. Или мне начнут делано сочувствовать, что еще хуже. Спасибо, больше не надо.

В-пятых, мое воображение рисует ядерный взрыв вселенского масштаба при встрече моей семьи с Елизаветой Карловной.

Так и вижу, как, к примеру, брат неуклюже трогает какую-нибудь вазу стоимостью со всю пятиэтажку, в которой живет моя семья. Та падает на пол, словно в замедленном кино, и разлетается на осколки. Ровно через секунду в него летит метко выпущенный Елизаветой Карловной нож для открытия устриц.

Я трясую головой, чтобы избавиться от чересчур яркой картинки в голове.

В-шестых... я совру, если скажу, что босс мне нисколько не нравится.

Марк красивый мужчина, и его девицы вешаются на него не только из-за толстого кошелька. Он умеет быть галантным и обходительным, очаровывать и завоевывать.

Что он там говорил по срокам — целый год играть его возлюбленную? За этот срок может произойти что угодно. С одним итогом во всех этих случаях — он разобьет мне сердце. Обычная девушка в роли мнимой жены — это одно, а в роли настоящей — совсем другое. Даром он, что ли, так лицо скривил, когда я упомянула эту деталь.

Нет, тут с какой стороны этот кактус ни поверни — везде болючие колючки.

— Марк Антонович, — предпринимаю я новую попытку достучаться до босса, — простите, но я вынуждена вам отказать.

Опускаю взгляд в пол и делаю еще шаг к двери.

— Мне две недели отрабатывать надо? — добавляю уже тише.

Даже не сомневаюсь — после отказа он точно меня уволит и сам, так что я просто работаю на опережение.

— Элина, — останавливает меня Марк Антонович, — а тебя не учили, что долги нужно отдавать?

— К-какие долги? — Мое лицо вытягивается в удивлении.

Лихорадочно соображаю: может, я умудрилась подписать

какие-то бумаги или взять на себя какие-то денежные обязательства? О чем он вообще?

— Такие, Элина. Клуб, лимонад, ветки мяты... — перечисляет Вильман. — А потом полоскание холдинга в СМИ и, что гораздо хуже, срыв важного контракта.

Я чувствую, как земля уходит из-под ног, и вынужденно цепляюсь за спинку кресла, чтобы не упасть.

— Ну что, теперь поговорим как серьезные взрослые люди? Присаживайся.

И босс снова кивает на это треклятое кресло.

Глава 9

Элина

«Бессердечный чурбан!»

«Бесчувственный робот!»

«Мерзкий шантажист!»

«Павлин-переросток!»

«Это же не Марк, а прямо-таки *Мрак* Вильман какой-то!»

Я награждаю босса званиями — одно краше другого — и никак не могу успокоиться, роясь в собственном шкафу.

Платье за платьем летит на кровать, а я мрачно пыхчу:

— Не то, не то... Нет, не оно...

Спросите зачем? Готовлюсь к сегодняшней встрече с любименькой будущей свекровушкой. От такой перспективы сводит живот. Брр...

Однако выбора у меня нет. И не было, как оказалось, с самого начала.

Господи, Вильман сразу узнал меня! И молчал. Вот уж с кем можно смело отправляться в разведку. И ведь ничем себя не выдал.

На резонный вопрос «Почему сразу не сказали» лишь улыбнулся. Ехидно так и... таинственно. И холодно. До сих пор по спине бежит холодок, когда вспоминаю эту улыбку.

— Марк Антонович, я облила вас, ну и что? Это не конец света, в конце-то концов!

— Это — не конец. Однако после статей в СМИ компания понесла убытки, и я вполне могу добиться того, чтобы их впаили тебе, сама понимаешь. Кроме этого, есть и еще кое-что. Нужно внимательно читать бумаги, которые подписываешь.

Босс протянул мне ксерокопию договора о материальной ответственности, и я первым делом взглянула на подпись: моя. С лица тут же сошла кровь. Следом я посмотрела на дату — получается, он подсунул мне эти бумаги в первый же день.

Помню, как зашивалась тогда, пытаюсь объять необъятное, бесконечно бегала туда-сюда, а в конце меня позвали подписывать трудовой договор и другие бумаги. Сначала я честно пыталась вникать, но после пятой бумаги сдалась. Как оказалось, зря.

«Вот скотина!» — закипела я, костеря босса на все лады. Теперь никак не доказать, что я не верблюд.

— Элина, — бесстрастно сообщил мне босс, когда я снова уселась в кресло, — у тебя два варианта: согласиться на мое предложение или уволиться, при этом выплатив компании неустойку за причиненный ущерб. Юристы подсчитают сумму, но могу сразу сказать — речь как минимум о нескольких сотнях тысяч.

— Рублей? — с надеждой затаила дыхание я, сразу включив внутренний калькулятор.

Это ведь не так много, если задуматься, найду другую ра-

боту, выплачу. Выкручусь как-нибудь, мне не привыкать.

Вильман хмыкнул, одарив меня скептическим взглядом:

— Естественно не рублей, Элина.

— Понятно... — апатично протянула я и замолчала, изучая французский маникюр на ногтях.

Что ж, теперь мой выбор очевиден. Ну почему так вляпаться угораздило именно меня, а?

— Ну, раз ты согласна, перейдем к твоим обязанностям. В твои задачи входит роль моей невесты, а затем, через несколько месяцев, и жены. Но это не все. Основная цель — сделать так, чтобы Елизавета Карловна тебя возненавидела.

«Вот уж с чем проблем не возникнет», — резко закашлялась я.

А потом мысленно застонала, воздевая руки к небесам: за что? Напыщенные снобы и их междоусобных игрища — вовсе не предел моих мечтаний.

— Марк Антонович, она меня уже невзлюбила... — осторожно сообщила я.

— Я в курсе, — ухмыльнулся босс. — Тебе предстоит день за днем укреплять ее чувства. Скажем так, твоя задача — сыграть свою роль так, чтобы после тебя любая моя избранница казалась ей ангелом, ниспосланным с небес. Это понятно?

Что мне оставалось? Только кивнуть.

— И никто, Элина, я подчеркну, никто, кроме нас и юриста, который составит договор, не будет знать о том, что это

все лишь игра.

— А как же мои родит... — заикнулась я, но босс меня перебил:

— Тем более они. В восемь вечера заеду за тобой, будь готова. Поедем в гости к моей матери. — Он довольно потер ладони, словно паук, поймавший добычу в сеть.

Вот так и состоялась моя помолвка. Зашла в кабинет свободной женщиной, а вышла — с кандалами в виде кольца на пальце. Точно — о нем-то Вильман забыл!

Пакость, конечно, мелковата, но я сообщила «жениху» о помолвочном кольце, только когда он вышел из кабинета в конце рабочего дня.

Он хмыкнул, хлопнув себя ладонью по лбу, покачал головой.

— Будет тебе кольцо.

Я снова отмираю с платьем в руках и возвращаюсь в реальность. Черт, босс скоро приедет, а я тут все еще в чулках и нижнем белье.

Подумать только, Марк Вильман — мой жених. Это же курам на смех! Елизавета Карловна не поверит и будет права.

Значит, мне предстоит та еще работенка — убедить ее в наших с Марком чувствах, вытерпеть ее снобизм, выстоять против ее козней и не дать слабину.

А еще — познакомить Вильмана с родителями. Даже не знаю, что будет сложнее. Я уже чувствую, что отец с Марком не сойдутся. Они разного поля ягоды, и ценности у них раз-

ные.

Если маму как женщину можно хотя бы попытаться убедить в том, что «шла, упала, очнулась — люблю не могу», то папа точно не поверит, он же меня как облупленную знает. Ладно, буду решать проблемы по мере их поступления. Пока задача одна — пережить этот вечер.

Я останавливаю выбор на светло-серебристом платье с пайетками, длиной чуть выше колен. Елизавета Карловна наверняка оценит.

Волосы уже длинными волнами покрывают плечи, а глаза накрашены в стиле смоки айз. Остается последний штрих — вызывающе-красная губная помада. Ну а что, на войне все средства хороши, так?

Через пять минут звонит телефон — приехал Марк Антонович.

Я в последний раз смотрю на себя в зеркало, хватаю клатч и выхожу из квартиры.

Внизу меня ждет шикарный «мерс» босса. Водитель открывает мне дверь, я сажусь и оказываюсь нос к носу с Вильманом.

Он выглядит шикарно: темный костюм, уложенные волосы и легкая небритость. А еще от него одуряюще вкусно пахнет — чем-то свежим, с цитрусовыми и кедровыми нотками.

— Д-добрый вечер, Марк Антонович.

Он морщится.

— Элина, давай договоримся: вне работы ты обращаешь-

ся ко мне на «ты» и по имени.

— Хорошо, Марк Ан... Марк, — киваю я.

Босс кивает водителю, и машина трогается.

Мне жутко неуютно под цепким взглядом Марка, и я молчу, изучая кожаную обивку сиденья, хотя голову таранят самые разные вопросы.

— Ты хорошо выглядишь, — едва слышно произносит Вильман.

Я округляю глаза: вот уж не ожидала получить от него комплимент. К тому же у меня сегодня совсем другая цель — выглядеть не «хорошо», а чересчур вызывающе.

«Неужели недостаточно постаралась?» — хмурюсь я.

Марк тем временем достает из кармана темно-синий футляр и протягивает его мне.

— Открывай.

Я беру коробочку, и в тот момент, когда наши пальцы соприкасаются, чувствую, как приподнимаются волоски на руке. Тут же отвожу взгляд и одергиваю руку — не хватало еще, чтобы он увидел, как моя кожа покрылась мурашками.

Выжидаю с полминуты, только потом открывая футляр, и изумленно тяну:

— О-о-о...

Такие огромные камни я видела разве что в интернете или фильмах. Отчего-то сразу понимаю: передо мной самый настоящий бриллиант овальной формы, причем в окружении бриллиантов поменьше. Он настолько большой, что мне его

и надевать на палец страшно — вдруг украдут? Тогда я с Вильманом ни в жизнь не расплачусь.

— Нравится? — выжидающе смотрит на меня Марк.

Я молча киваю.

— Надевай, — велит он.

Пока я достаю украшение и примеряю на палец, босс рассказывает ту версию наших отношений, которую нужно будет выдать Елизавете Карловне.

Я послушно киваю, стараясь запомнить все, что он говорит.

— Главное, не проколишь и ничего не забудь, иначе... — напутствует меня жених, когда машина тормозит у огромного особняка госпожи Вильман.

Ну спасибо, Марк, прям успокоил. Вывалил тонну информации, как будто у меня не голова, а компьютер.

Я вдыхаю полной грудью, медленно выдыхаю и выхожу из машины, когда мне открывают дверь.

«Давай, Элина, ты сможешь», — подбадриваю себя.

Беру Марка за любезно протянутую руку и на ватных ногах иду рядом с ним, натянуто улыбаясь.

Дверь в дом ужаса открывается, и я изумленно восклицаю:

— Вы?!

Мир чрезвычайно тесен, потому что я во все глаза смотрю на... Эдуарда Германовича, того самого пожилого мужчину, которому помогла.

— Вы знакомы с управляющим моей матери? — приподнимает бровь Марк.

— Э-э-э... да, встречались, — коротко отчитываюсь я.

Так вот кто он. Даже удивительно, как такой приятный и интеллигентный мужчина может работать у такой... м-м... экстравагантной женщины.

Марк выжидающе на меня смотрит, видимо, ждет деталей. А у меня почему-то нет ни малейшего желания описывать обстоятельства нашей встречи, да и всадницей Апокалипсиса быть неохота. Мало ли, Марк расскажет матери, что ее работнику стало плохо, та сочтет, что он слишком стар для выполнения своих обязанностей, и уволит.

Нет уж, не стану подкладывать такую свинью человеку.

— Добрый вечер, Элина, добрый вечер, Марк Антонович, — спасает положение Эдуард Германович, — прошу. Все гости уже здесь.

Все гости? Какие гости? Я перевожу непонимающий взгляд на Марка, но он отвечает мне ровно таким же. Получается, тоже не в курсе. Час от часу не легче.

Эдуард Германович впускает нас, и я испуганно замираю — краем уха слышу доносящуюся откуда-то справа музыку. Марк досадливо качает головой.

— Мы будем не одни? — шепчу я ему на ухо.

— Похоже, что так, — подтверждает жених. — Раз сбор в большом зале, значит, тут уже человек двадцать, не меньше. Впрочем, так даже лучше: представлю тебя сразу всем.

Он обнимает меня за талию и направляется вперед, туда, где играет музыка.

Сердце начинает часто-часто биться. Одно дело — пикироваться с Елизаветой Карловной наедине, совсем другое — стать мишенью для сливок общества.

А еще даже сквозь ткань платья я чувствую тепло ладони Марка, и больше всего хочется скинуть ее с себя. Но не могу.

— Никаких поцелуев и прочих вольностей, тем более секса, только деловые отношения, — с ходу заявила я Вильману, когда мы начали обсуждать наш договор.

— Ты как себе это представляешь? — парировал тот. — Наедине все так и будет, но вот прилюдно придется изображать влюбленную пару. Не беспокойся, без нужды накидываться на тебя не стану.

И на том спасибо, Мистер Не Пропущу Ни Одной Юбки. Завтра Марк улетает в столицу, чтобы заключить очередную сделку, а вот когда вернется, мы официально подпишем договор о том, что я ни монеточки не должна агрохолдингу «Вильман». Скорее бы.

Мы входим в огромный зал с высоким потолком, и я округляю глаза: да тут ведь человек тридцать! И все одеты как в фильмах — лучшие наряды и украшения. Я тут как куций лопух среди аккуратно подстриженных фигурных кустов.

Перевожу взгляд левее и ловлю взглядом отвисающую челюсть свекровушки. Рядом с ней стоит зеленеющая Дарина.

Марк видит то же, что и я, злорадно улыбается и тащит меня через весь зал к матери.

— Добрый вечер, мама, — говорит он, не давая ей вставить и слова, — вы уже знакомы с Элиной.

— Имели честь, — недовольно поднимает подбородок Елизавета Карловна.

«Что *это* делает здесь?» — кричит весь ее вид.

— Извини, что не смог приехать в театр, дела, — разводит Марк руками, игнорируя ее недовольство.

А я еле сдерживаюсь: о как заливает-то! Знаю я его дела, ага.

— Хочу представить Элину как полагается. Итак... Мама, Элина — моя невеста, прошу любить и жаловать.

Я вижу, как напрягаются пальцы, которыми Дарина держит бокал с шампанским. Губы Елизаветы Карловны сжимаются в тонкую линию, а взгляд-бластер явно прожег бы во мне дыру, если б мог.

Я широко улыбаюсь и елейным голоском объясняю:

— Простите, что не сказала в театре, Марк хотел сделать это сам. Да, милый? — крепче сжимаю его локоть, мол, подыграй.

— Именно, — кивает жених и пафосно продолжает: — Я думал, у нас сегодня будет скромный семейный ужин, ты не предупредила о других гостях. Так даже лучше, больше людей узнают о нашем счастье. Сегодня же всем представлю мою Элиночку.

Элиночку? Фе. Чувствую себя так, словно меня обслонявил соседский мопс.

Елизавету Карловну берет оторопь, и она в ужасе снова ведет по мне взглядом. Даже не знаю, что ей нравится больше — мой идеальный макияж или шедевральный наряд? О да, ее гости явно оценят!

— Мама, прости невоспитанного сына, — извиняется Марк, — представь нам твою очаровательную собеседницу.

— Марк, это Дарина Воронцова, — кислым, словно щи, голосом тянет Елизавета Карловна. — С Элиной они уже знакомы.

Мимо проплывает официант с подносом, и Марк ловким движением хватает оттуда два бокала, протягивая один мне.

— Тогда у меня два тоста. За знакомство и... за нас, — поднимает бокал в воздух мой жених, а за ним и я.

— За вас... — вторят ему мать с Дариной, натянуто улыбаясь.

Марку и говорить ничего не надо, я чувствую, как его распирает от удовольствия. Он однозначно счастлив, что все повернулось именно так.

Я тоже. Не будь здесь этой толпы, Елизавета Карловна и Дарина уже наперегонки играли бы в игру «Кто уколет Элину побольнее».

А еще... в пылу ненависти ко мне ни та ни другая, похоже, не заметили, каким заинтересованным взглядом Марк окинул Дарину.

Она ведь стопроцентно в его вкусе, это я выбиваюсь из стройных рядов его «котят». Да-да, слышала я, как он их всех зовет «котенок мой».

Задумчиво кручу бокал в руке. Что, если Дарина его все же окучит? Может, ей помочь? Тогда я буду ему не нужна. Только вот как это сделать?

Марк отвлекается на телефон.

— Отлучусь на минутку, — говорит он и отходит.

Спустя секунду Дарина и Елизавета Карловна не сговариваясь делают шаг ко мне, словно оцепляя кольцом. Свекровушка цепко хватается за руку, прищуривается и злобно шипит:

— Даже не думай, что я дам вам пожениться. Отступишь или пожалеешь.

«И да начнутся голодные игры!» — торжественно звучит в моей голове, и я мило улыбаюсь в ответ, притворяясь, что мне ничуть не больно от ее хватки.

Елизавета Карловна отпускает мою руку, и я не мешкая крепко ее обнимаю, да что там, стискиваю в объятиях.

Чуть отстраняюсь и громко шепчу:

— Не могу отступить, я же люблю его. Ничего, мама, вы обязательно ко мне привыкнете!

Она настолько громко скрипит зубами, что мне становится боязно: как бы не выкатили счет за их ремонт.

Глава 10

Марк

Я довольно потираю ладони, глядя в иллюминатор самолета. Как не радоваться — командировка прошла крайне успешно. Еще час, и я буду в родном городе.

Настроение портит только сообщение от матери, что пришло еще в разгар вечеринки и постоянно всплывает в памяти: «Ты на ней не женишься. Я этого не допущу, ты меня знаешь».

Э нет, мама, женюсь. А раз уж ты так яро этому противишься — и подавно. В конце концов, ну что ты сможешь сделать?

И вообще, все идет как задумано: контракт с несговорчивыми французами подписан, Элина талантливо играет свою роль, будущая свекровь от нее без ума.

Ну, «без ума» — это если выражаться не фигурально, а буквально. Елизавета Карловна словно с ума сошла от злости, особенно после небольшого представления, которое я устроил специально для нее. Точнее, представлений.

После того как поговорил по телефону, остановился на входе и постучал по бокалу любезно предоставленной официантом вилкой.

— У меня новость! — торжественно возвестил я, как только все затихли. — Хочу представить всем мою невесту,

Элину Епанчину.

Протянул руку, глядя на нее. Она сразу поняла, что от нее требуется, и двинулась ко мне через расступающихся гостей.

Их лица слегка перекосило при взгляде на Элину. Лицо родительницы перекосило не слегка.

По залу тут же поползли удивленные шепотки, перерастая в достаточно громкий гул.

Если честно, на такой поразительный эффект я и не надеялся.

Собравшиеся начали дружно, а главное, «искренне» нас поздравлять. Однако я краем уха выхватил главные вопросы, что блуждали между собравшимися: «Кто она?», «Вы ее знаете?», «Они давно вместе?»

А затем косые взгляды направились уже к Елизавете Карловне. Как же так, она скрывала ото всех такое событие!

Когда концентрация маминой злости, судя по ее окаменевшей позе, достигла пика, я схватил Элину за руку и потащил за собой.

Шел, пока не завернул за нужный угол, и остановился посреди коридора, у входа в библиотеку, когда решил, что тут нас точно никто не услышит.

Захотелось выведать, о чем они разговаривали и почему родительница выглядела еще злее, чем до того, как я их оставил.

— Что-что ты ей сказала? — расхохотался я, не поверив собственным ушам.

— Ничего, мама, вы ко мне привыкнете, — смущаясь, послушно повторила Элина.

Ай да невеста, просто чудо!

— Молодец, — похвалил ее я. — Продолжай в том же духе.

Мама в своем репертуаре с «отступись». Странно, что не стала предлагать деньги, наверное, попросту не успела, а то с нее стало бы. Впрочем, столько, сколько Элина «должна» мне, она все равно не предложит.

Однако мне сразу стало понятно, отчего родительница так взъярилась. После вечеринки точно сляжет с мигренью и будет проклинять нерадивого сына, который выставил ее посмешищем перед такими важными гостями. Зато урок усвоит навсегда, это уж точно, а мне это и нужно.

— Марк, как мне... — заговорила Элина, и тут я краем уха услышал стук каблуков.

В эту половину дома могла пройти только мать.

Я быстрым движением прижал ничего не понимающую Элину к себе, упер левую руку в стену и навис над ней. Большие карие глаза невесты испуганно распахнулись, а я провел большим пальцем по ее щеке, едва касаясь кожи, заправил локон ей за ухо и зашептал, склонившись:

— Не шевелись.

Моя рука заскользила вниз — от шеи к спине, а потом еще ниже. И ниже.

Элина ошутимо напряглась и замерла, с силой надавив ла-

донью мне на грудь в тщетной попытке оттолкнуть. Я легонько схватил ее за попу, и она дернулась, недовольно пискнув.

— Ма-а-арк! — возмущенно взвизгнула родительница в это же время.

Так и знал, что это она.

— Не при людях же, — зафырчала она.

— Ты кого-то тут видишь? — обвел я рукой пространство.

— Мне срочно нужно с тобой поговорить, — указательным пальцем ткнула она в дверь библиотеки.

— У меня нет секретов от невесты.

Я еще крепче прижал к себе Элину.

Скажи мне кто-то, что обнимать эту малышку окажется так сладко, не поверил бы, уж слишком простовата. Но ладонь будто до сих пор ощущала упругость ее попы, а в голове отпечаталась картинка ее округлившихся в изумлении глаз. Было в этом что-то странное, неуловимое, — то, с чем я не привык сталкиваться.

Елизавета Карловна поджала губы, окинув Элину презрительным взглядом, и удалилась, кинув напоследок:

— Поговорим в другой раз. Марк, негоже оставлять гостей так надолго.

Все оставшееся время, пока мы не уехали, родительница делала вид, что не замечает нас.

Я ожидал, что она оборвет мне телефон на следующий день, будет биться в истерике и показушно умирать. Однако вместо этого все три дня, которые я провел в столице ради

заключения контракта, мой телефон зловеще молчал.

Елизавета Карловна словно воды в рот набрала.

Элину тоже не трогала и вообще пропала с радаров.

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: она что-то задумала.

Шанс узнать, что именно, предоставляется ровно в ту минуту, когда шасси самолета касаются полосы. Мне приходит сообщение: «Жду вечером у себя. Одного!»

Ладно, уговорила, приеду один. Я не собираюсь отступать и не передумую, но все же интересно, как далеко зайдет родительница, чтобы добиться своего.

— Как съездил? — улыбается мне мать, сидя на диване в гостиной.

Я устраиваюсь напротив нее и хмурюсь, пытаюсь понять, отчего она в таком замечательном настроении.

Причем это не попытки делать хорошую мину при плохой игре, она действительно довольна, аж светится.

— Чаю? — предлагает Елизавета Карловна и сама, не дожидаясь никого, наполняет мою чашку.

У меня начинает сосать под ложечкой. Чувствую подвох.

— Как Элина? — интересуется она.

— Нормально.

К чему эти вопросы? Можно подумать, ей действительно интересно, как поживает моя невеста.

— Марк, я тут подумала, — задумчиво тянет мать, — мо-

жет, вам и правда не стоит откладывать свадьбу? Может, пора жениться?

И пялится на меня, словно цербер.

Мои брови взлетают чуть ли не до линии роста волос, а она, довольная произведенным эффектом, продолжает:

— Скажем, через неделю. Правда, тебе придется встать в очередь.

— В смысле? Какую еще очередь? — ничего не понимаю я.

— Видишь ли, Марк, в загсе уже лежит заявление на регистрацию брака от твоей невесты, Элины Епанчиной. Роспись через неделю. И жених, уж прости, не ты.

Глава 11

Марк

Какого, простите, хрена тут вообще происходит? Какая такая роспись? Элина ни словом не обмолвилась о наличии жениха.

Я делаю вид, что поглощен чаем, а сам старательно сдерживаю злость, пока мозг бомбардируют мысли.

«Это что еще за жених-хмырь?!»

«Во дает девка!»

«В тихом омуте...»

«Это кто ж на нее позарился-то?!»

Так, ладно. С Элиной я разберусь потом: выясню, что это за жених, и заставлю ответить за то, что так меня подставила.

«У нее это в привычку входит — выставять меня идиотом», — скриплю зубами про себя.

Смотрю на мать и пытаюсь понять: уж не ее ли рук дело? Может, именно она «подсуетила» этого жениха, чтобы спугнуть меня? Однако я давно научился разбираться в ее интригах и по ее сияющему виду вижу, что она причастна разве что к тому, что раскопала это злополучное заявление на роспись.

«Что делать-то?» — назойливо жужжит в голове главный вопрос.

И тут внутри будто загорается яркая лампочка. Бинго!

Я делаю еще один глоток чая, ставлю чашку на столик и приподнимаю левую бровь, словно слегка удивлен:

— Мама, что значит жених не я?

Елизавета Карловна недовольно хмыкает, окидывая меня красноречивым взглядом:

— То и значит. Жених — некто Егор Боцманов.

— Чушь. Как такое вообще могло произойти? Да ну, быть не может... — Я задумчиво чешу лоб, размышляя вслух. — Это же дикость какая-то...

Делаю вид, что меня озаряет:

— А-а-а, кажется, понял.

Елизавета Карловна молча хлопает ресницами, пытаюсь осознать, что я тут мелю.

А я рассерженно хлопаю себя ладонью по колену:

— Вот кретин! Так и знал, не стоило нанимать этого бездаря. Ох уж эти работники, принятые «по знакомству».

Вскакиваю с кресла и делано возмущаюсь:

— Уму непостижимо! От него всего-то и требовалось, что документы подать, а он даже с этим не справился. Как, ну объясни мне, как можно быть таким остолопом? Уволю к чертовой бабушке!

Мать недоверчиво хмурится, а я седлаю коня красноречия и полностью вхожу в роль:

— Елизавета Карловна Вильман, я благодарю тебя и официально заявляю: ты наша спасительница.

— То есть как это? — невольно крикает маман и оконча-

тельно теряется.

— Ты прости, что не сразу тебе рассказал, хотел сначала подготовить, но... через неделю состоится именно моя с Элиной роспись. Я не знаю, как этот кретин Боцманов умудрился подать документы таким образом, что стал женихом вместо меня, но это же просто чудо, что ты решила копнуть под мою невесту.

Я напоказ машу указательным пальцем и цокаю, будто осуждая.

— Если бы не ты, нас бы не расписали из-за этой ошибки с неверной подачей бумаг, зато теперь есть время исправить это нелепое недоразумение.

— Исправить?! — уже не сдерживаясь, пищит Елизавета Карловна.

Да, понимаю, совсем не такого эффекта ты хотела добиться, дорогая мама. Ну, сама виновата.

— Да, — развожу я руками, — ты буквально своими руками помогла нам пожениться быстрее. Ты рада?

М-да, еще час назад я и подумать не мог, что свадьба с Элиной состоится так скоро, но теперь выбора нет. Ни у меня, ни тем более у нее.

Я бросаюсь обнимать мать, довольно подмечая про себя, как дергается левый уголок ее губ.

— Марк, ты не можешь, — стонет родительница.

— Еще как могу. Я впервые в жизни влюбился, мама!

Кажется, выходит весьма правдоподобно, сам почти себе

верю.

Мать и вовсе словно с цепи срывается, подскакивает с дивана и переходит на ультразвук.

— Позор... поколения... наследие... не переживу... дети...
— вот и все, что мне удастся разобрать.

— Да-да, — спешно киваю я, подливая масла в огонь, — все так, будут тебе и дети, и кому наследство передать.

— О-о-о!.. — Елизавета Карловна прикладывает ладонь ко лбу, скорбно продолжает стонать и падает обратно на диван. — Мне плохо...

— Скорую? — вместо падения к ее ногам предлагаю я.

Мать сверлит меня возмущенным взглядом: мол, что за бесчувствие, где сострадание к той, что меня родила.

— Не надо... — наконец гордо поднимает подбородок она и бодро орет в сторону: — Марта, мои капли!

Вот вам и умирающий лебедь.

— Уже поздно, — бросаю я взгляд на часы. — Поеду, пожалуй. Хочу поскорее разобраться с этой чудовищной ошибкой.

— Почти ночь на дворе, — просящим тоном молвит мать.

— Когда меня это останавливало? Спокойной ночи, мама,
— хмыкаю я и выхожу из гостиной.

На самом деле разбираться с досадной «ошибкой» я действительно буду завтра. А в данный момент у меня есть дело поважнее — побеседовать с невестой.

Пока еду, несколько раз пытаюсь до нее дозвониться. Бес-

полезно, трубку она не берет. Что ж, так даже лучше: очень хочется видеть ее глаза, когда она будет рассказывать о том, кто этот Егор Бецманов и какого черта она его скрывала.

«Личная жизнь не помешает моей работе», — скриплю зубами, вспоминая ее слова при приеме на работу. Не помешает, потому что я о ней не в курсе? Видимо, так.

Неужели она и правда водит меня за нос? Да ну, я ведь все равно узнал бы рано или поздно. Тут наверняка что-то другое. Или нет?

Очень скоро я оказываюсь у девятиэтажного дома, где, насколько мне известно, Элина снимает квартиру.

Нужная мне квартира находится на последнем. Я выхожу из лифта и иду по длинному коридору, а через полминуты звоню в дверь с номером «142».

Вскоре из-за двери раздается негромкий голос Элины:

— Кто там?

— Твой жених.

Она приоткрывает дверь, высовывая нос, и недоуменно на меня таращится:

— Марк Антонович?

На ней какой-то полупрозрачный халатик, и на него с мокрых волос капает вода — прямо на грудь, отчего ее контуры весьма четко выделяются.

Элина следит за моим взглядом и мучительно краснеет, перебрасывает пряди волос со спины на грудь, чтобы ее прикрыть.

Я не спрашиваю разрешения и молча захожу внутрь. Отодвигаю хозяйку квартиры в сторону и двигаюсь в единственную, судя по всему, комнату.

Диван, рабочий стол, шкаф. Обстановка не просто скромная, я бы сказал, спартанская. Вся мебель старше поповской кобылы. Как тут вообще можно жить? Но в целом ничего необычного, как и признаков мужчины в доме.

— Вы что себе позволяете?! — шикает Элина, хватая меня за плечо в тщетной попытке остановить. Куда там.

Я иду дальше, рывком открываю дверь в ванную комнату и сразу подмечаю: зубная щетка в стаканчике одна. Средств для бритья и тому подобных мужских принадлежностей тоже не вижу. Вообще никаких признаков, что она живет не одна.

Странно.

— Да что случилось? — восклицает Элина.

— Случилось, — скрещиваю я руки на груди и поворачиваюсь к ней. — Кто такой Егор Боцманов и какого хрена я не в курсе, что ты замуж собралась? Еще и скромницу тут из себя корчила! Что за игры?

Губы Элины начинают дрожать, она резко каменеет и сводит брови на переносице.

Потом прищуривается и словно подбирается, и я пытаюсь понять: это она защищается или нападает?

Ответ приходит в ту же секунду. Она тычет пальцем мне в грудь и звенящим от напряжения голосом заявляет:

— Это я что-то из себя корчу? Я?! Я в игры играю?! Ну знаете!.. Да что вы о себе вообще возомнили?!

Она делает шаг и распахивает входную дверь:

— Моя личная жизнь вас вообще не касается, и я не собираюсь перед вами отчитываться. До свидания!

Я оторопело на нее смотрю, а она подлетает ко мне и начинает пихать меня к двери.

— Давайте, давайте.

Не успеваю прийти в себя, как дверь за мной закрывается.

Отлично поговорили. Элина словно на лету переобулась и из растерянной девушки превратилась в разъяренную тигрицу — при одном только упоминании имени жениха.

Кто же ты такой, Егор Боцманов?

Глава 12

Марк

Я скриплю зубами от злости и смотрю на входную дверь сомнительного качества — явно китайского производства. Уж не знаю, кого такая может остановить, — разве что ребенка, ведь ее можно не только вскрыть за пару минут, но и вышибить за несколько ударов.

Первое желание — как раз такое: снести эту дверь к чертовой матери и показать Элине, где раки зимуют.

Немыслимо: она вытолкала меня из квартиры чуть ли не взащей. Она! Меня!

Что в голове у этой дурной девки? Я что ей, нашкодивший мальчонка?

Внутри все клокочет от гнева, и я заставляю себе глубоко дышать, чтобы успокоиться и снова начать мыслить здраво.

Вообще-то, я ее жених и имею полное право знать, с кем это она кувыркается в кровати за моей спиной. Кулаки сжимаются сами собой, когда представляю, что она меня дурила все это время.

Такое поведение попросту недопустимо, потому что пострадает в первую очередь моя репутация. Первые полосы во всех желтых СМИ мне совсем ни к чему.

Вот тебе и невинная овечка Епанчина. Кроткая, улыбчивая, исполнительная... врушка.

«Личная жизнь не помешает, Марк Антонович», — вспоминаю ее слова в первый рабочий день. А глаза — честные-пречестные. М-да, я думал, разбираюсь в людях, а вот ее не смог раскусить, вон как ловко и умеючи обвела меня вокруг пальца.

Я заносу руку, чтобы постучать в дверь и довести нашу беседу до логического конца, но опускаю ее, так и не постукав.

И правда, к чему мне допрашивать Элину? Очевидно, она не пойдет на контакт и наврет с три короба — у нее это отлично получается. Поступлю проще: найду этого женишка Боцманова и разузнаю у него, что да как.

Уж он не станет юлить, честно все расскажет, как мужчина мужчине.

Иду к лифту, и звук моих шагов гулко разносится по коридору.

Ну и дыра все-таки. И квартирка ее не лучше. Ремонта там в этом веке явно не было. Одни лампочки Ильича под потолком чего стоят. А плитка в ванной? Да ее же в музее как экспонат показывать можно.

Завтра же прикажу Элине собрать вещи и переехать ко мне.

Право слово, что обо мне напишут в прессе, если она продолжит жить тут? «Позор года! Невеста Вильмана живет в трущобах. Неужели дни агрохолдинга сочтены?»

К тому же так и следить за ней будет гораздо проще.

Или отменить всю эту катавасию со свадьбой и уволить ее?

«Э нет», — останавливаю сам себя. Пусть скрытная, пусть врушка, зато вон как умудряется выводить меня из себя: на счет раз. Значит, свою роль перед матерью будет играть так же легко и играючи. В конце концов, что мне с ней, детей крестить, что ли? Нет. То-то и оно.

А уж полгода как-нибудь вытерплю. Тем более что теперь срок моего заключения автоматически уменьшился, раз не нужно выжидать три-четыре месяца до свадьбы. Хоть какой-то плюс.

Вот еще что: не позволю ей крутить шашни за моей спиной. Завтра же прикажу внести этот пункт в наш договор: никакого секса с мужчинами вплоть до окончания контракта. И никаких уверток. Я задаю вопрос — она отвечает. Просто как дважды два. Отныне никаких тайн от меня у Элины не будет.

Я сажусь в машину и завожу мотор, как вдруг слышу звук сообщения в мессенджере. Неужто Элина взялась за ум и хочет извиниться?

«Котик, ты где?»

Черт, а о Марине-то я и забыл... Пообещал заскочить к ней после работы, однако после беседы с матерью стало резко не до этого милого послушного котенка.

«Не приеду», — отвечаю коротко и мчу домой.

М-да, совсем скоро Епанчина нарушит мой покой, и мой

дом перестанет быть холостяцкой берлогой. Так, созрел очередной пункт договора: никаких рюшечек, подушечек, статуэточек и прочей ерунды. Меня аж кривит от перспективы превращения моего жилища в уголье бабушки.

«Господи, на что я вообще подписался?» — качаю головой.

«Цель, Марк. Помни о цели! — подбадривает меня внутренний голос. — Ты будешь свободен».

О да, это сладкое слово свобода... Только оно меня и греет. Как только возвращаюсь домой, пишу письмо нужному человеку, чтобы нашел мне всю информацию о Боцманове и согласовал встречу с ним — завтра же. Чего тянуть-то?

Впрочем, пока мне ищут всю подноготную, кое-что я могу узнать и сам. Да здравствует век соцсетей. Включаю ноутбук и приступаю к поискам.

Привычная мне соцсеть выдает мне целых четыре Егора, однако все профили заброшены. Оно и верно, чего я ожидал? Тут больше серьезные и деловые люди общаются. Очевидно же, Боцманов не из таких, иначе не связался бы с Элиной добровольно.

Открываю другую соцсеть, более привычную большинству, и регистрируюсь. Конечно, на выдуманные имя и фамилию. Поиск выдает всего девять человек, и третий оказывается именно тем, кто мне нужен, потому что я натыкаюсь на их совместное с Элиной фото.

Правда, изначально я его отмел. Не то чтобы я был цени-

телем мужской красоты, но Бецманов оказывается чуть ли не модельной внешности. Разве мог такой повестить на Элину? Чем она его заманила? Однако чем-то явно заманила... Любопытно.

А еще как раз сейчас он онлайн.

Вот так удача!

Я потираю ладони и жму «написать сообщение».

«Егор, здравствуйте. Простите, что беспокою поздним вечером, но дело важное. Я недавно начал встречаться с Элиной, а пару дней назад нашел ваше совместное фото. Слово за слово, выяснил, что вы успели подать заявление в загс, но расстались. Элина наотрез отказывается что-то объяснять и вообще говорить о вас, кривится, да и только. Все это выглядит слишком подозрительно, вот мне и интересно, что она скрывает, почему расстались, стоит ли мне чего-то опасаться и так далее».

Пару минут трачу на то, чтобы набрать данный текст, а потом перечитываю и хмыкаю. М-да, Марк, нашел кому такие политесы выписывать. Стираю набранное, печатаю заново:

«Егор, привет, тут такое дело. Я начал встречаться с твоей бывшей, а вчера узнал, что вы, оказывается, подали заявление в загс. Захотел выяснить, что да как, может, она за твоей спиной со мной шашни крутит, а она как давай темнить и юлить. Понятное дело, что-то скрывает, о тебе вообще отказалась говорить. Вот я и решил, что будет проще связаться с тобой. Сразу понял, ты нормальный парень, сориентируешь

что да как».

Ну а что, ни слова неправды. Почти. Отправляю сообщение и получаю ответ уже через минуту.

«Привет, — сразу переходит к делу Егор. — Не советую с ней связываться, чувак. Ни с ней, ни с ее семейкой. Кстати, не удивлен, что она недолго лила слезы, сразу нашла кому на шею сесть».

Вот как? Становится все интереснее.

«Можно подробнее? Сам понимаешь, хочется чего-то более веского».

«Веского? Да не вопрос. Ща наговорю голосовое».

На экране внизу появляется сообщение «Егор записывает аудио».

Записывает...

Записывает...

Я встаю и разминаюсь. Склоняюсь к экрану ноутбука, а там все то же: записывает...

Когда я уже решаю, что страница попросту зависла, от Боцманова приходит долгожданное аудио.

Сообщение длительностью более пяти минут. Кто бы мог подумать, что имя Элина так на него подействует и он разольется соловьем. Впрочем, мне это только на руку.

Устраиваюсь в кресле поудобнее и нажимаю на кнопку play.

«Короче, мы познакомились на работе три года назад. На тот момент, когда Элина туда пришла, я работал там веду-

щим дизайнером уже два года.

В общем, слово за слово, разговорились в обед, когда столкнулись в столовой, а уже через неделю в субботу пошли в клуб. Ну, коктейль, другой, очнулись у меня в квартире утром. Не, я-то парень современный, не стал тогда придавать этому особого значения. А надо было.

Короче, начали с ней переписываться и перезваниваться, встречаться вне работы. Я и решил: девка неглупая, открытая и милая, добрая такая. Понравилась мне, в общем.

Съехались, и все шло нормально.

Я ее через полтора года позвал замуж, а она ни в какую. Типа надо на ноги встать сначала и так далее. Логично? Логично. Подумал еще тогда — это мне не женщина, а клад достался. Думает наперед, здраво рассуждает, из нее выйдет хорошая мать и жена.

В общем, я начал вкалывать вдвое больше, брать подработки, вскоре работу сменил на более денежную. Уровень дохода рос с каждым годом.

Причем мои деньги шли в семью, а она свои откладывала. Ну да ладно, что ж я, буду считать бабские деньги? Не дело это, вот и не считал.

Начал втихаря копить на свадьбу, откладывал заначку, хотел сделать все как полагается: ну, там, лимузин, пышное платье для невесты, пригласить родственников в ресторан, съездить в свадебное путешествие.

Меня как раз позвали на новую работу, оклад хороший,

бонусы, все дела. Элинка расцвела поначалу, о детях начала мечтать. А потом что-то изменилось. Скрытная какая-то стала, слова ласкового от нее не допросишься. Я работаю-работаю, а ей все мало. У соседки Люськи, видите ли, и шуба длиннее, и холодильник новее, и отпуск четыре раза в год, а у нас всего три, видите ли.

Я разговорил ее подругу, оказалось, Элина ждет от меня предложения. Ну, чисто женская логика! Сама ведь до этого отказала мне два раза. Ну да ладно, я ж ее любил сильно. Все сделал по уму, отвез в любимое место в городе, на колено встал с кольцом. Она заверещала от радости, снова все пошло как обычно.

Мы подали заявление в загс, и... через день я попал под сокращение.

Мало этого, попал еще и в аварию — в тот же день. Встрял на хорошую сумму, да еще и руку умудрился сломать. Я ведь дизайнер, так что сам понимаешь — это больничный до тех пор, пока не срастется кость. Ну, сказал любимой, что какое-то время придется поужаться в расходах.

Элина после этого начала ходить хмурая, все метала в меня молнии взглядом. А потом как-то раз, пока ее дома не было, к нам заглянула новая соседка за табуретками для гостей, мы начали болтать, и надо же было Элине именно в этот момент явиться домой!

Разоралась как потерпевшая, что я ее держу за дуру, изменяю и так далее. Типа эта соседка неспроста зачастила к

нам. Ну да, два раза до этого заходила, но с ней разговаривала именно Элина, а не я.

Короче, ее как подменили, она швырнула мне кольцо в лицо, сказала, что между нами все кончено.

В тот же вечер собрала свои манатки и ушла. Когда собиралась, прихватила и мою коробку с записочкой, ну, ту, что я копил на нашу свадьбу. Честно, мне уже было все равно.

Так это ладно, на следующий день появился ее папаша и врезал мне, как только я открыл дверь. Ты прикинь, она наплела родакам, что я ей изменял.

Это теперь я понимаю, что она просто хотела хорошо устроиться. Ну а что, у меня своя двушка в хорошем доме, зарабатываю хорошо, есть перспективы. Но как только кошелек подсдулся и нарисовались проблемы, сдулась и ее любовь.

Она явно ищет кого побогаче. Потом-то я догнал, почему она выбрала такую работу — помощницей руководителя — и не спешила двигаться вверх по карьерной лестнице. Вдруг какой босс клюнул бы на нее.

В общем, я тебе все рассказал, выводы делай сам, но от души советую: не ведись на нее. С виду она такая типа добрая, а на деле... Как только ей покажется, что ты недостаточно успешен, Элина сольет тебя так же, как слила и меня».

Глава 13

Элина

Даже жаль, что я не жалуясь на память и хорошо запоминая имена и фамилии, потому что в одном случае с превеликим удовольствием сделала бы исключение.

Егор Боцманов.

Эти буквы выжгли в моем сердце дыру, края которой продолжают тлеть и причинять боль до сих пор. Я поклялась себе, что больше никогда не упомяну его имя вслух, попросила родственников и друзей о том же. И на тебе, *Мрак* Вильман не упустил возможность надавить на больное. И как только узнал?

Хотя с его-то деньгами это не проблема.

Я прикладываю ухо к двери: слушаю, там ли еще мой мнимый женишок. Если честно, он скорее всего разорвет наш контракт после такого, но мне плевать. Он не имеет никакого права врываться в мой дом, рыскать тут, обвинять меня в чем попало и вообще вести себя как последняя скотина.

Где-то через три минуты я слышу, как в коридоре раздаются гулкие шаги. Слава богу, ушел.

Уже не сдерживаюсь, бреду к расправленной постели, обнимаю подушку и начинаю громко всхлипывать.

Вся неприглядная история с Егором снова стоит перед глазами во всей красе.

Помню свою реакцию, когда увидела его в первый раз.

Я пришла на обед в столовую в первый рабочий день на новом месте, а там он — с подносом впереди меня.

«Хоро-о-о-ош...»

Высокий, ухоженный, стильный и невероятно притягательный красавчик, да еще и зеленые глаза в придачу. Комбо!

И тут этот красавчик повернулся и... заговорил со мной, словно мы знакомы сто лет. Сели обедать за один стол, и полчаса пролетели как пять минут.

О, как горели его глаза, когда он рассказывал о своих планах на будущее! Как воодушевленно он делился идеями! Я всеми фибрами души чувствовала силу его намерений. Эти напор и горячность очаровали меня на раз-два. Надо же, не только красивый, но еще и умный.

В воздухе начал незримо витать аромат любви — купидон явно выпустил в меня свою стрелу.

Такое произошло со мной впервые, и с обеда на рабочее место я летела, окрыленная донельзя. Только вот Галина, которая уходила в декрет и передавала мне все дела, лихо опустила меня с небес на землю.

Оказалось, Боцманов — знатный ловелас, который клеился ко всему, что движется, и о его славе в компании ходили легенды. Ну и я, как новенькая, конечно, привлекла его внимание.

В общем, Галина посоветовала мне держать с Егором ухо

востро или, по крайней мере, не ждать чудес в виде серьезных отношений.

Однако мне впервые в жизни кто-то понравился настолько сильно, что я решила попробовать. Знаете, как у нас, девочек, бывает: это он с другими такой, а со мной изменится. Да и Егор мне говорил об этом: такую, как я, он еще не встречал.

Съехались мы достаточно быстро — он предложил перебраться в его двухкомнатную квартиру, что досталась ему от родителей.

Я старалась как могла. Вкусные ужины — пожалуйста. Массаж после работы — расслабься, любимый. Он и сам поначалу даже помогал по дому. Я не просила многого, потому что как-то раз он мне сознался: не решался на долгие отношения, потому что ему попадались сплошь меркантильные девушки, которым был нужен не он сам, а то, что он мог дать.

«Я не такая!» — взбодрилась я про себя и начала это доказывать со всем упорством, на которое была способна.

Через полгода Егор сказал, что ему надоело вкалывать в компании за три копейки, он сможет получать намного больше на фрилансе, и уволился. Я поддержала его решение, потому что считала его очень талантливым дизайнером.

Сначала все и правда шло хорошо, Егор стал зарабатывать хорошие деньги. Правда, я их особо не видела, потому что он говорил, что откладывает на наше совместное будущее.

«Совместное будущее». Чуете, чем пахло в воздухе?

Свадьбой!

«Хочет предложение сделать!» — ликовала про себя. И ждала. Ждала, ждала, ждала... Только вот время проходило, а предложения все не было.

Я решила: он просто хочет накопить побольше денег, потому что я рассказывала, что с детства мечтала о пышной свадьбе. Какой внимательный мужчина мне достался!

К тому же уж что-что, а красивые жесты Егор делать умел. То розы с утра, которых не было в квартире, когда мы ложились спать, то выезд-сюрприз за город на выходные, то билеты на концерт любимой группы, то ужин. На вкус такой, что можно отравиться, но главное ведь внимание, так?

В общем, признаков того, что я ему надоела, не видела.

Вскоре сменила работу, устроилась помощницей руководителя на мясокомбинат, стала получать больше и тоже начала откладывать деньги, постановив: не только Егору копить, свадьба ведь и моя тоже.

И вот однажды, когда я ехала за документами по работе, мне пришло сообщение: «Эля, привет! Это ваша соседка снизу. Ты прости, пожалуйста, что я пишу, но... вы не могли бы с твоим мч... ну... заниматься этим самым потише? А то у меня мелкий не может уснуть и вопросы задает: почему тетя кричит так сильно, ее быют, что ли?»

Все бы ничего, да вот только я с Егором заниматься этим самым днем не могла по одной простой причине: я днем работу работала!

Тогда впервые в жизни я решила, что работа подождет, и рванула домой. Когда выходила из лифта, столкнулась в дверях с красивой блондинкой. Все, как любит Марк Вильман: длинные ноги, большая грудь, пухлые губы и лицо, не обезображенное интеллектом.

Странно, что такая краля делала в нашем доме? Такие обычно в особняках бизнесменов обитают, ну, или их же пентхаусах.

Я потихоньку открыла входную дверь, слыша лишь, как гулко колотится сердце, и на цыпочках прокралась к залу.

Ну вот он, любименький, сидит ко мне спиной в наушниках и в танчики рубится. Работничек, блин. Хотя чего это я, время обеда, имеет полное право отвлечься. Кровать заправлена, и вообще, все выглядит так же, как и утром, когда я уходила.

Я так же тихо выскользнула из квартиры и поехала на работу.

Ну право слово, разве так выглядит человек, который изменяет? К тому же, никаких следов. Может, шум и вовсе шел не из нашей квартиры, а из соседней, к примеру.

Этим же вечером я успокоилась окончательно. Спросите почему?

Егор пригласил меня в мой любимый парк, а там встал на колени, достал кольцо и сделал предложение. Мне кажется, все местные белки оглохли, — так громко я радовалась.

Правда, недолго.

Не успела я явиться на работу на следующий день, как меня сразу вызвал к себе босс, Rogozin Василий Петрович.

Наверное, это неправильно — так относиться к коллегам, но я искренне привязалась к этому седовласому пузану с добрыми глазами и носом-картошкой. Он работал директором уже более двадцати лет и так любил это дело, что о выходе на пенсию думал как о катастрофе, хотя уже достиг пенсионного возраста.

Да и в целом коллектив трудился слаженно и четко, без всяких распрей и подсиживаний. В общем, мне повезло, и я была из тех, кто одинаково спешил как домой — к любимому, так и на работу.

По крайней мере до того, как коммерческим директором назначили зятя владельца бизнеса. Варданян Марат, жгучий стройный брюнэт, мнил себя едва ли не гением коммерции. На практике же оказался редкостным дуболомом.

А три недели назад он и вовсе начал оказывать мне недвусмысленные знаки внимания: подмигивал, старался приобнять, пока никто не видел, заигрывал.

Я увиливала как могла, пыталась свести все к шутке, говорила, что у меня есть мужчина, — без толку. Он выслеживал меня, словно пятнистая гиена добычу.

— Марат Саркисович! — взвизгнула я, не сдержавшись, когда он схватил меня за попу в пустом коридоре меньше недели назад. — Немедленно прекратите!

— Элиночка, — сладко запел Варданян, — приглашаю те-

бя на ужин в ресторан.

— Пригласите лучше свою жену, — сузила глаза я.

— Ай-ай-ай, — зацокал коммерческий директор, — такая умная девушка и такая дура!

Тон его вдруг из подобострастного сделался злым, он склонился ближе ко мне и прошипел на ухо:

— Я дважды просить не стану, Элина, соглашайся. Иначе пожалеешь.

— Пожалуй, все равно откажу, Марат Саркисович. Простите, у меня есть жених, и я не изменяю ему.

Я развернулась и, распрямив плечи, направилась в свой кабинет. А когда закрыла за собой дверь, передернула плечами и дрожащими руками налила себе воды из кулера. Сердце гулко билось в груди, липкое гадливое ощущение не отпускало — сложно забыть такой мерзкий похотливый взгляд. Он же меня там уже всяко-разно поймел! Мысленно, конечно.

После моего отказа между нами воцарился холодный мир. Варданян делал вид, что я пустое место, однако я будто кожей чувствовала исходящий от него негатив. Тело сковывало панцирем напряжения, мне все время казалось, что он вот-вот нападет — исподтишка, разумеется.

Оставалось только надеяться, что ему вскоре надоест меня преследовать.

Я вздохнула, схватила со стола документы на подпись для Василия Петровича и направилась к нему в кабинет.

Вот уж кого не ожидала там увидеть, так это Татьяну, жену Марата Саркисовича, и его самого.

Варданян как раз ворковал со своей рыжеволосой женой-красавицей:

— Спасибо тебе, дорогая, за сюрприз, но мне работать нужно. Дела.

— Да-да, ты прав. Ладно, не буду вам мешать. Еще раз поздравляю, любимый! Ты у меня самый лучший!

С чем это она поздравила муженька?

«Самый лучший» — брр... Ему до самого лучшего как мне до физика-ядерщика.

Я повернулась к боссу и только тут подметила, что он непривычно бледен, даже испарина выступила на лбу.

— Я надеюсь, вам хватит времени до вечера, Василий Петрович? — обратился к боссу Варданян.

— Хватит, — глухо проговорил тот.

— Отлично, — улыбнулся Марат Саркисович, полоснул по мне мерзким тягучим взглядом и вышел.

— Что случилось? — бросилась я к Rogozinu, как только закрылась дверь.

— М-меня... — Василий Петрович не договорил. Его голос дрогнул, и он полез рукой в карман пиджака, достал оттуда белоснежный платок и промокнул им лоб. — Меня уволили, Элиночка.

— Что-о-о?!

— К-как собаку какую-то... на улицу... выкинули, — про-

бормотал он себе под нос, но я услышала. Уже громче добавил: — Отправляют на пенсию. Попросили дать дорогу молодым. Точнее, Марату Саркисовичу.

Так вот с чем поздравила мужа Татьяна!

Я настолько не ожидала услышать такое, что вздрогнула. Пальцы разжались сами собой, и бумаги, которые принесла на подпись, полетели на пол. Я мигом бросилась их поднимать, пытаясь переварить эту ужасную новость.

Что мне теперь делать-то? Тут и к гадалке не ходи — мои дни здесь сочтены, пора искать новую работу.

— Но ты не переживай, новый директор сказал, не станет искать себе нового помощника, его устраивает твоя кандидатура, — попытался улыбнуться Rogozin.

Ох, Василий Петрович, знали бы вы... Его-то, может, моя кандидатура и устраивает, а вот меня его — нет.

Я на ватных ногах вышла из кабинета и до вечера никак не могла сосредоточиться на работе.

Ближе к шести вечера Rogozin вышел из кабинета с коробкой в руках — совсем как в фильмах. На нем лица не было, а я ничем не могла ему помочь. Сердце сжималось от сочувствия к человеку, который отдал работе всего себя.

— До свидания, Элина, — невесело хмыкнул Василий Петрович.

Я посмотрела на босса повлажневшими глазами, не сдержалась, вскочила с места и крепко его обняла.

— Ну что ты, что ты, девочка, все хорошо, жизнь на этом

не заканчивается, — похлопал он меня по спине, пытаясь удержать коробку одной рукой.

Не меня он хотел приободрить — себя.

Домой я ехала в наисквернейшем настроении. Что меня ждет на работе завтра — хороший вопрос. Подготовить резюме точно не помешает.

Только вот что делать с деньгами? Я совсем не рассчитывала остаться без работы, а ведь на поиски новой могут уйти недели. Придется залезть в заветную свадебную коробочку, куда я ежемесячно откладывала деньги. Надо посчитать, сколько там.

С этими мыслями я и зашла домой.

— Что случилось? — Егор сразу подметил, что что-то не так.

А я замялась. О том, что Варданян подкатывал ко мне, ему не рассказывала. Боялась — вдруг помчится бить ему морду, с него станется, он у меня ревнивый. А тот в суд подаст — тут уж без вариантов. В общем, скрыла.

— Возможно, мне скоро придется искать новую работу, — тяжело вздохнула я. — Василия Петровича уволили, а новый босс — тот еще самодур. Боюсь, не сработаемся.

Егор побледнел, видимо, распереживался за меня.

— Может, еще обойдется? — обнял меня он, и мы пошли ужинать.

После того как поели, любимый сел за компьютер, чтобы выбрать фильм на вечер, а я отправилась в спальню, где сто-

ял шкаф.

Через минуту достала с верхней полки нужную коробку, сняла крышку и... не поверила своим глазам: там было пусто. То есть очень пусто. Совсем пусто.

Я непонятно зачем поскребла дно коробки ногтями, как будто это могло что-то изменить. Нет, купюры не появились.

На негнущихся ногах я вернулась в зал и пропищала не своим голосом:

— Егор!

Тот повернулся ко мне, потом опустил взгляд, увидел пустую коробку у меня в руках и замер.

— Что это? Где деньги?!

— Я... — замычал он, — ну... это...

— Говори!

— Короче, Эль, ну дело ведь верное было! Пацаны нехило бабла подняли, я тоже решил.

— На что решил? — Я почувствовала, как у меня дернулось левое веко. Куда он, мать его, ввязался?!

— Ставки на спорт...

В голове тут же вспыхнули громогласные рекламные речовки букмекерских интернет-контор.

Я в полном оцепенении сделала пару шагов вперед и опустилась на диван, прошептала еле слышно:

— И?

— Ну... это... пока никак, — развел руками Егор. — Но я отыграюсь, правда!

Что-то в его голосе показалось мне странным, и я поспешила проверить догадку:

— Сколько ты еще должен?

И попала в точку. Егор мучительно покраснел.

— Двести сорок, — пробубнил он.

— Сколько?! — Я подорвалась с дивана и понеслась к жёниху, начала бить его пустой коробкой. — Ах ты скотина! Как ты мог? Как! Ты! Мог!

— Я, вообще-то, ради тебя старался! — взорвался праведным гневом Егор, вырвав коробку из моих рук.

Я опешила и даже не нашлась, что ему ответить.

— Я поживу пару дней у родителей, — услышала свой голос, словно сквозь вату.

А через полчаса вышла из его квартиры с сумкой в руке.

Егор меня не остановил.

Глава 14

Элина

Следующим утром Варданян прошествовал мимо меня так, словно я пустое место, лишь коротко кивнул.

Вот и славно, вот и прекрасно! Это меня более чем устраивало — намного больше, чем его похотливые взгляды и сальные шуточки.

— Принеси мне бумаги из бухгалтерии, — через секунду приказал он в приоткрывшуюся дверь. — Так и скажи, документы для Варданяна, Любовь Михайловна в курсе.

Пока я шла в бухгалтерию, из головы никак не шел поступок Егора.

Я вчера полночи не могла уснуть от обиды и негодования. Слава богу, мама у меня понятливая, не стала приставать с расспросами сразу — увидела, насколько я взвинчена, но сегодня мне точно не отвертеться.

Что я им скажу? Простите, мама, папа, ваша дочь дура. Вы вон как живете, душа в душу, несмотря ни на что, не скрываете друг от друга ничего, а я...

Как там говорят? Яблочко от яблоньки? Так вот, я — какое-то хреновое яблочко, сморщенное и неказистое. Не смогла я построить нормальных отношений. Видимо, со мной что-то сильно не так...

Ну почему он мне ничего не рассказал, а? Почему не оста-

новился, пока сумма не стала такой огромной? Впрочем, понятно почему: наверняка надеялся отыгаться, или как там это называется среди тех, кто промышляет ставками? Зачем он вообще начал играть, неужели ему срочно понадобились деньги?

Еще и эта соседка... Ее сообщение тоже постоянно крутилось в мыслях.

Да ну, это уж точно неправда! Я ведь действительно не примечала каких-то деталей, которые могли намекнуть на то, что Егор завел с кем-то интрижку.

Нет, конечно, раз или два в неделю он стабильно встречался с друзьями, но я всех их знала наперечет. К тому же помню, как однажды позвонила одному из них по надуманному поводу — с проверкой, что уж там, и ему передали трубку.

Остальные вечера Егор стабильно проводил со мной.

Впрочем, захоти он мне изменить, нашел бы и время, и возможность. Но он ведь не захотел бы, да? Разве можно так искренне смотреть в глаза, говорить «люблю» утром, а днем сношаться с другой?

Да и что ему с меня взять? Я не супермодель и не наследница миллионов, так что какой тут может быть расчет?

Ох, одни вопросы и никаких ответов. Я достала из кармана телефон: ни одного пропущенного звонка и сообщения от него. Как обычно ждет, пока я остыну.

Я зашла в нужный кабинет и сразу направилась к столу нашего нового кадровика. Точнее, кадровички. Любовь Ми-

хайловна, обаятельная рыжеволосая хохотушка лет тридцати, с большим бюстом, сразу попросила называть ее наедине просто по имени — Любой.

— Люба, привет, — поздоровалась с ней я, — Марат Саркисович попросил документы забрать.

— А, да-да, — поправила накрученные кудри та, — держи.

Люба протянула мне папку и подмигнула:

— Везет тебе!

— В смысле?

— Ну как... С таким мужчиной работаешь! — Она закатила глаза.

Я повела плечами. Даже интересно, чем Варданян так привлекает женщин? Как по мне, внешность сильно на любителя, а характер так и вовсе — разве что на коллекционера.

— Именно, Люба, ра-бо-та-ешь! Нет у меня с ним ничего и быть не может.

— Это хорошо, это хорошо, — задумчиво постучала карандашом по столу кадровичка, потом вскинула на меня прищуренный взгляд: — Точно нет?

— Точно.

— Это правильно, Элиночка, тебе лучше дружить со мной, а не иметь в конкурентах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.